Роберт Аронсон

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ:

ВИНОВНИКИ ТРАГЕДИИ ИЗВЕСТНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Описание виденного автором в Армении и Карабахе, перемежающееся с его собственными размышлениями и обобщениями. Ключевая мысль — о пагубности «армянского национализма» и «сепаратизма», в которых автор видит главный и единственный источник Карабахского конфликта.

- От автора
- Поближе к дому
- «На трудовом фронте» и вокруг него
- Факты, лица, мысли
- Антикоммунизм, русофобия, заповеди
- Эпилог
- От издательства

От автора

Историки, политологи, обществоведы Азербайджана будут обращаться к событиям в НКАО еще не раз. Когда-нибудь, но и не в столь далеком будущем неким историком республики будет написана и самая обстоятельная монография, в которой найдут должное отражение и сами эти события, и все то, что им предшествовало, сопутствовало и наследовало. В лучших традициях азербайджанской исторической науки в ней будет дан анализ не только видимых, но и подводных, сокрытых от внешних глаз факторов, придавших этим событиям столь жестокий и кровавый характер. Можно надеяться, что некоторые страницы этой монографии будут посвящены характеристике действующих лиц карабахской драмы: и тех, кому в ней была предназначена роль юродствующих марионеток, и тех, кто в наши дни так и остался за кулисами этого театра абсурда, списав свои издержки за счет тысяч и тысяч испоганенных судеб, опустошённых душ, раздавленных жизней. Отыскивая и изучая документы наших дней, автор этой монографии, конечно же, будет в первую очередь исследовать те реальные, вполне земные силы, что вызвали к жизни эти события, те истинные цели, которые они преследовали, и те методы, пользуясь коими они полагали их достичь. Историческое исследование тем состоятельнее, чем глубже проанализированы в нем именно эти аспекты событий, проанализированы с использованием исчерпывающего фактического материала, а их отражение в этом исследовании тем объективней, чем меньше влияние пристрастий самого автора, его личных симпатий и антипатий к противостоящим в этих событиях сторонам, к действующим, как принято говорить, лицам и исполнителям. Вот почему всегда требуется определенная временная дистанция между самим историческим фактом и тем исследователем, кто с помощью своего труда мыслит сделать этот факт достоянием исторической науки. Сегодня такой дистанции еще нет, а Карабах остается, как и три года назад, кровоточащей раной Азербайджана. Возникнув как явление внешне многоплановое, а в действительности достаточно однозначное и сводящееся к попытке захвата Нагорного Карабаха в пользу Армении как аграрной базы мыслимой ее националистическими кругами новой государственности — своеобразной наследницы давно канувшей в небытие мифической «Великой Армении», государственности, способной, как полагали и полагают эти круги, за счет капиталов буржуазии из среды армянской диаспоры быть вознесенной к уровню держав первого

ранга, если и не в масштабе мировом, то хотя бы в регионе Среднего Востока, карабахское движение как авантюра из разряда региональных переделов мира противоречило и международному праву и конституции страны. Оно повлекло за собой целую гамму событий, имевших для республики негативные, а иные из них — трагические последствия. К этому же следует добавить, что само положение дел в стране, положение, в сложении которого существенную роль сыграл Карабах, ныне приобрело такую остроту, что на этом фоне и в масштабах страны карабахская драма отошла на задний план. Но если подобное утверждение верно именно для страны в целом, то этого никак нельзя сказать об Азербайджане, поскольку сохранение своей юрисдикции, своего суверенитета над карабахской землей — для республики и животрепещущая и императивная проблема. Вот почему будущий исследователь карабахской драмы непременно будет представителем азербайджанского народа, ибо находясь уже на той самой, потребной временной дистанции, он будет обладать и горячим сердцем патриота и холодным умом исследователя, что и обеспечит его труду надлежащую эмоциональную окраску при сохранении его высокого научного уровня и объективности. Таковы законы исторической науки. Но историческая наука, базируясь на солидных исследованиях, никогда не чуралась причислять к своему активу, прежде всего для популяризаторских целей, любой эпистолярный труд, являющийся результатом видения соответствующих исторических событий лицом, так сказать, приватным, волею обстоятельств оказавшимся их очевидцем. Этот эпистолярный труд может быть представлен в любой форме, в любом литературном жанре, и все тут зависит от того, на что и в какой мере горазд этот самый очевидец. Спектр здесь и впрямь широк: от исторического в две строки анекдота до романа-эпопеи или даже философского эссе.

Автор этих строк, прожив в НКАО почти год, изложил свое видение карабахских событий в виде своеобразного описания тех фактов, которых он был очевидцем, того, как он их толковал, и тех чувств, которые они в нем пробуждали. Удалась ли эта попытка — пусть судит читатель.

Поближе к дому

Итак, идет вторая неделя моего пребывания в городе Ереване. Не знаю уж как случилось, но соблазненный всяческими посулами и находясь в отчаянном состоянии, в состоянии душевного разброда, я дал одному случайно встреченному в Туркмении старому знакомому уговорить себя и поехать с ним вместе в Ереван. Почему ему этого так хотелось, и по сию пору не могу понять, но думаю, руководствовался он, скорее всего, истиной, содержащейся в известной азербайджанской пословице, гласящей о том, что «идущий в ад ищет себе товарища». Он нес мне, как потом оказалось, одну легенду за другой, основательно сломав меня тем, что, мол, ситуация в Ереване, как ему достоверно известно, складывается так, что я смогу туда скоро вызвать из Баку и семью, и поскольку для меня это было бы поистине божьим даром, — я сдался. Предварительно, однако, я позвонил в Ереван к директору тамошнего Института научно-технической информации, коего неплохо знал, поскольку долгие годы работал в Баку в институте того же названия, а эти два института до известных событий тесно сотрудничали между собой, и по делам этого-то сотрудничества я и знал того директора.

В телефонном разговоре он ответил мне в том смысле, чтобы я приезжал, и приезжал как можно быстрее, поскольку должность Ученого секретаря в институте у него пустует, и эту вот вакансию он и хотел бы заполнить мной. Обещалась хорошая зарплата, помощь в получении места в общежитии, и я, после этого звонка, дав согласие тому знакомому, вылетел вместе с ним в Ереван, и вот уже вторую неделю, как находился в этом городе. К тому времени приказ мой был на подписи у директора, и мне оставалось лишь сдать документы, с которых, однако, я еще должен был снять копии.

Но уже едва ли не на третий день своего пребывания в этом городе, я ясно отдавал себе отчет в том, что остаться в нем не смогу. Это был больной город, и как мне представлялось, больными были, если не все, то большая часть его жителей, доведенных до предельной стадии националистической экзальтации. Местные массовые издания, радио, телевидение обрушивали на обывателя такой мощный и мутный поток информации, что не быть зараженным пещерным национализмом было бы премудро.

Газеты и журналы Армении пестрели статьями о мессианском предназначении ее народа, об исключительной его роли в

развитии цивилизации, в прогрессе науки и культуры. Из этих самых газет и журналов я узнавал о том, что армянами еще в доисторические времена был создан первый атлас звездного неба, изобретено цветное телевидение, что все индоевропейские языки пошли от языка армянского и что это они дали начало арийской расе. Восхваляя собственный народ, пресса одновременно вдалбливала обывателю мысль, что все его несчастья — от некогда окружавших и ныне окружающих его народов, что это он один — народ-созидатель, а они — способные лишь к разрушению племена, и что в меру того, насколько он благороден и возвышен, ровно настолько же они дики, необтесаны и невежественны. И уж особенно доставалось азербайджанскому народу, которого З.Балаян назвал кочевниками, а С.Ханзидян — вандалами. В газете, издаваемой армянским землячеством в Москве на армянском и русском языках, социолог Л.Арутюнян писала о том, что самою судьбой армянам было предназначено стоять живою стеной между христианским Западом и мусульманским Востоком. И когда позже начались антиармянские выступления в Алжире, я подумал, не эта ли и ей подобные публикации тому виной, и могут ли быть большие враги своего народа, чем те, кто сеет в них семена национальной нетерпимости и чванства. Между прочим, в Ереване мне особенно бросилась в глаза страсть здешней прессы иронизировать по адресу Баку.

— Ах! Не может быть! Город-интернационалист, город дружбы народов, — и вдруг погромы, депортация, — юродствовали они, подло умалчивая о том, что действиями националистических кругов Армении и было все это спровоцировано. Как умалчивали и о том, что эти круги давно уж поднаторели в деле изгнания из Армении людей иной национальности, действуя при этом по-разному: иногда по-иезуитски более утонченно, хоть и не менее подло, а иногда и жестоко, как это случилось в Гукарском районе Армении, где было убито не менее ста азербайджанцев. В конце концов, пользуясь обоими из этих методов и изгнав последних в Армении азербайджанцев, не стала ли она абсолютно моноэтнической, заполучив по этой части пальму первенства уже не только среди республик Союза, но и, пожалуй, среди стран всего Мира, и в том числе столь обожаемого ею Запада. А парадокс-то был в том, что моноэтнической стала республика, народ который в каких-только странах ни живет. Ну, а если. последовав ее примеру, и они пожелают стать моноэтническими. Ведают ли здесь, что творят.

Что касается циничного хихиканья здешней прессы по адресу Баку, то случилось так, что читая однажды очередной пасквиль на

сию тему, я обратил внимание, что по воле рока, столь гораздого на всякого рода совпадения, нахожусь на улице 26 комиссаров. И сразу же подумал вот о чем: а ведь улица-то имени 26 бакинских комиссаров есть во многих городах страны, и только здесь, в Ереване, в этом названии выкинуто слово бакинских. Названа так эта улица была давно, и, значит, вон оно с каких пор нетерпимо здесь было само упоминание Баку. Нетерпимо как живой укор собственной ущербности. И вспомнился мне сразу мой родной город, город такой далекой теперь юности, и как-то сами собой стали рождаться в уме строки стиха

Как мы по юности влюблялись,
Как увлекались — и не раз.
Но никогда не сокрушались,
Что девы, мол, не наших рас.

Как мы по юности дружили,
Как свято верили в друзей.
Но никогда мы не тужили,
Что, мол, друзья не тех кровей.

В стране гуляет перестройка,
А я ее страстей боюсь.
Боюсь, увы, но столь же стойко
Бакинцем старым остаюсь.

И так вот, нашептывая стихи, я шел, куда глядят глаза, шел без умыслу, шел, пока не вышел на какую-то площадь, где стояла толпа людей, и где слышны были все те же речи, эти речи вернули меня к реальности, и я снова подумал о том, что мне, человеку, дожившему до седин, за все свои немалые годы в Баку — за все разом, не приходилось видеть и слышать по части национализма того, чего я мог увидеть и услышать здесь за один только день. Планка националистической экзальтации, национального нарциссизма поднималась все выше и выше, и национализм, из мировоззрения какой-то группы интеллигентствующих обывателей, трансформировался в самодавлеющий фактор консолидации всей или большей части нации. Забегая вперед, расскажу об одной передаче ереванского радио по программе «Хайк» на русском языке, слышанной мною уже будучи в Степанакерте. То было интервью, которое давал одной женщине-корреспондентке этого радио небезызвестный Игорь Мурадян — один из зачинателей «карабахского движения». На вопрос журналистки, что может служить для армянского

народа консолидирующим фактором, этот самый Мурадян отчеканил — национализм.

— Вы, по-видимому, имеете ввиду патриотизм, — попыталась было исправить его эта журналистка, полагая, что он оговорился, но тот тут же возразил ей как отрезал: — Нет, нет, именно национализм.

Лидеры карабахского движения в Армении ходили открытой картой, нисколько того не смущаясь, и любому непредвзятому наблюдателю было ясно, что выше достигнутой планки национализм уже должен будет принять ту воинствующую форму, за которой одна только и дорога — пропасть фашизма. Тогда я убоялся этой догадки, и отогнал ее. Но прошло время, и эта мысль снова вернулась ко мне. А случилось это тогда, когда в одной из ереванских газет я прочел, что проведенное некой группой гематологов Армении «исследование» показало, что кровь, текущая в венах и жилах армян, — уникальна, и по своим свойствам уже ни у одного другого народа не встречается (за исключением, правда, как пишет автор заметки, небольшой общины людей в одной из провинций Испании). Вот тогда эта мысль и вернулась ко мне, ибо ведь было уже, помните: нордический тип, арийская раса, белокурые бестии...

И еще, подумал я, можно ли говорить о какой-то стерильной, девственной чистоте «крови и генов» народов, живущих в Закавказье и близлежащих к нему землях. Ведь через эти края прокатывались волны едва ли не всех великих и малых переселений народов. Эти земли помнят и римских легионеров, и фалангистов Александра Македонского, и быструю конницу арабских халифов, и Орду хромого Тимурленга, и еще бог знает, каких завоевателей. И не все ли здесь живущие народы вместе, разом, когда могли, — противостояли им, а когда не могли — покорялись. И надо ли говорить, какие в те времена были нравы, да притом у завоевателей. Мысль об их нравах мне приходила в Степанакерте всякий раз, когда я смотрел на Зория Балаяна. «Черт возьми, — думал я, — через сколько же лет у этого арийца пробился-таки его далекий предок из Орды Тимурленга, — силен был мужик». Так вот. А что касается той догадки, которой я некогда убоялся, то вот такая деталь. Услышав однажды слова Президента страны Горбачева о том, что коричневые оттенки все яснее проглядывают в палитре политической жизни иных республик, я подумал, а кто же адресаты его заявления?

Но я отвлекся. Итак, я все еще в Ереване, а в городе уже во всю мощь царит вакханалия террора каких-то молодчиков, цветет спекуляция, торжествуют нравы и обычаи, чуждые моему нутру.

Я уже не сомневался, что мне надо бежать отсюда, бежать из

этого города, и все же окончательно меня доконал один весьма довольный собой господин, который узнав, что жена моя азербайджанка, заявил мне, что это по нынешним временам весьма удачно, поскольку в общем-то я, человек высшей сверхцивилизованной расы, могу считать себя свободным от «уз Гименея» и всяческих обязательств, и уж коль скоро дело обстоит именно так, то считает своим долгом порекомендовать мне одну вдовушку, у которой есть малолетний сын и двухкомнатная квартира. Он так красочно расписывал мне эту вдовушку, что я подумал, уж не из его ли она сераля, в котором он жаждет сменить декорации.

Словом, я решил ехать и ехать бесповоротно. Я уже знал, что поеду только в Степанакерт, и никуда более. А знал я это по той простой причине, что уже с первого же дня не верил в карабахскую авантюру, был уверен, что Карабах был, есть и будет азербайджанским, и что, поэтому, я остаюсь, чего бы мне это не стоило, гражданином той самой республики, где я, как это принято говорить, любил и страдал. «Если я прав, — рассуждал я, — и Карабах останется азербайджанским, то уж азербайджанцы-то в этом городе в любом случае будут жить. А значит, и моя семья сможет сюда приезжать и бывать здесь». И хотя я еще не имел представления о том, каково сейчас там, В.Степанакерте, но логика моих рассуждений мне казалась «железной», и выбор свой я тогда сделал бесповоротно.

И вот я уже в ереванском аэропорту «Раздан», в том самом аэропорту старой постройки, из которого самолеты «ЯК-40» летят в НКАО и садятся на летном поле у городка Ходжалы. Очередь за билетами была сравнительно небольшой, и, простояв часа полтора и заплатив тринадцать рублей, я приобрел билет на самолет, который должен был лететь в тот же день одним из вечерних рейсов. Но в этот вечер вылететь я не смог и заночевал в аэропорту, как и сотни других пассажиров. А самолеты, между тем, вылетали, и как я узнал, число рейсов было в те дни раза в полтора больше обычного. Узнал я и то, что наличие билета еще ничего не значит и действуют тут иные законы — законы Клондайка времен золотой лихорадки. Потолкавшись утром следующего дня то у одной, то у другой стойки, я понял, что не вылечу и в этот день, да и кто знает, в какой день вылечу. Я сел на одно из пустовавших в зале ожидания кресел и горько задумался. Но, продумав с час, ничего путного придумать не смог и стал от безделья оглядываться по сторонам. Оказалось, что сижу я рядом с каким-то мальчиком лет пятнадцати — учеником восьмого класса, положившим на колени сборник олимпиадных задач по математике и сопевшим в ту минуту на одной из них.

Делать мне было нечего, и я предложил ему свою помощь. Провозившись минут десять, мы совместными усилиями ее одолели и перешли к другой. Решили мы с ним и еще несколько задач, и когда принялись было за очередную, к мальчику подошли его родители — мать, молчаливая, болезненного вида женщина, и отец, мужчина, не по годам солидный и весьма самоуверенный. Отец мальчика, взглянув на исписанную решениями тетрадь, сказал ему:

— Молодец, не зря тратишь время, хвалю тебя. Мальчик слегка смутился, но честно признался, показывая рукою на меня: — Это не я, это вот тот дядя.

Мужчина посмотрел в мою сторону и поблагодарил меня. Мы разговорились, и оказалось, что они тоже летят в НКАО, и что следующим рейсом, по-видимому, уже вылетят. И хотя билетов у них не было, это их не смущало.

— А я вот с билетами на руках, — заметил я удрученно, — второй день как не могу вылететь.

— Если будешь так вот сидеть на кресле и решать для других задачи, то не сможешь этого сделать не то что на второй, а и на двадцать второй день, — ответил он.

Я горько вздохнул, а он взял мой билет и куда-то исчез. Вернулся он минут через двадцать и сказал:

— Мне тоже удалось для тебя кое-что сделать, а не только тебе — для моего сына. Полетишь вместе с нами, но тебе надо доплатить еще тридцать семь рублей.

— Мы что, через Москву будем лететь? — удивленно спросил я.

— Через Париж, — в тон мне отозвался он, добавив, что мне еще повезло, что иные за это удовольствие платят не пятьдесят, а все сто рублей, и что не грех бы мне его и поблагодарить.

— Спасибо тебе, — тут же ответил я ему и, обрадовавшись такому везению, быстро отсчитал и передал ему деньги. Он снова исчез, вернулся минут через двадцать, и мы все вместе через какую-то потайную дверь в другом конце зала прошли на летное поле, а часа через полтора я сидел уже в самолете, сидел среди чьих-то ног, чемоданов и корзин и летел в НКАО, Людей было в самолете раза в полтора больше нормы, и оттого-то, наверное, больше всякой нормы нас кидало и бросало то из стороны в сторону, то вверх и вниз. По завязавшимся в салоне самолета разговорам впервые, как и я, летевших в эти дни и этим рейсом и посему еще не знакомых с царящими здесь нравами возмущенных пассажиров, я узнал, что почти все они летят на тех же, что и я, условиях. И я еще раз горько усмехнулся в усы, вспомнив миф об Армении, согласно которому, как утверждают здесь иные, она

является матерью-Родиной для всех армян, и в заботе о которых она денно и нощно пребывает.

— Хороша мать-Родина, — думал я, — если здесь готовы аж до гола раздеть любого, и в том числе отчаявшихся беженцев, и беженцами-то ставших во имя алчных интересов тех, имена которых она одна только и знает. Так вот об этом мифе. Думая о том, сколь он ущербен, я вспомнил, что впервые-то он был изобретен не здесь, а в Германии — Германии предвоенных тридцатых годов. В те же годы, как известно, было немало этнических немцев не в первом поколении живших в других странах, особенно в польской Прибалтике, в чешских Судетах, на Волге в России. И вот тогда-то геббельсовская пропаганда объявила, что каждый немец, где бы он ни жил, всегда и везде остается подданным Фатерланда, земли отцов, и что интересы Германии для него должны быть превыше всего.

«Дойчланд, дойчланд, — юбер алее», — то бишь: «Германия, Германия — превыше всего», — неслось из передач берлинского радио, а тысячи и тысячи немцев диаспоры чувствовали себя все тревожнее и тревожнее. Они, граждане другой страны и в этой другой стране не только обладавшие определенными правами, но и имевшие не менее определенные обязанности, оказывались в весьма затруднительном положении. И когда агрессивные намерения Германии по отношению к этим странам приобрели реальные очертания, как они, спрашивается, должны были себя вести. Да и выбора особенного не было — только три альтернативы. В одном случае, заразившись этой националистической пропагандой, они становились проводниками имперской политики Германии, пополняя собою ее «пятую колонну», и тем, по сути, предавали свою Родину, землю, где был их дом, где они долгие годы жили и где лежали их предки. Но многие немцы не хотели этого делать, ибо служить националистической Германии не хотели даже иные немцы, жившие в самой Германии. И тогда, в этом втором случае, не желая предавать свою Родину, отвечать за все прожитое и пережитое черной неблагодарностью, они оставляли свой дом и уезжали в другие страны, и как бы потом ни складывалась их жизнь, это уже были люди с изломанной судьбой, с растравленной душой.

И, наконец, были и такие, которые не хотели уезжать, а оставались, полагая, что беда, быть может, обойдет их стороной. Но такие немцы почти всегда оказывались в положении интернированных, ссыльных, изгнанных, а иногда — и того хуже. Будем справедливы: сослав немцев Поволжья в Казахстанские степи, не страхом ли возможного их отклика на призыв «земли

отцов», на геббельсовскую пропаганду «Германия! Германия! — превыше всего,» — руководствовался Сталин. Нет слов, это было жестоко по отношению к немцам, и иные, спустя полвека, об этой говорят и с трибуны Верховного Совета страны, но не Германия ли сама спровоцировала Сталина на этот шаг. И вот этот-то лозунг восприняли и эксплуатируют теперь идеологи национализма в Армении. Но неужели кому-то не ясно, что Родина — это всегда то место, где ты родился, где твой дом, твои друзья, — словом, все то, что уже успело стать твоей сутью, заполнить душу твою и память. Да, так было всегда и с любым человеком, но, увы, не с тем, в ком и душу, и сердце, и ум уже изъел и развратил оголтелый национализм.

Опять забегая вперед, скажу, что тогда, когда я только прилетел в НКАО, то есть в самом начале 1990 года, лозунг «Армения — мать-Родина для всех армян» был еще популярен среди определенной части армян области. Хотя нельзя не сказать и того, что гораздо большая часть их понимала уже лживость этого лозунга, ибо эта самая часть населения, даже настаивая на отделении НКАО от Азербайджана, поскольку лидерами движения была напугана якобы возможной местью за все причиненные народу республики несчастья, все больше имела ввиду то непосредственное подчинение области союзным органам, те присоединение ее к России, то еще какие-то не менее химерические прожекты.

Собственно, убедиться в лживости лозунга «Армения — мать-Родина всех армян» было несложно, поскольку людям становилось день ото дня ясно, что не карабахцы сами по себе, а лишь карабахская земля интересует те круги в Армении, кто носится с идеей создания «Великой Армении».

Я помню, как обескуражены были карабахцы, слышавшие однажды в свой адрес отповедь от Зория Балаяна в том смысле, что нечего им устремлять свои взоры в сторону Армении, что земли для них там нет и что посему им следует в своем упорстве держаться до конца, поскольку таково уж их положение: ни обратной, ни в сторону и никуда вообще дороги им нет. Право же, однажды кровь у меня застыла в жилах, когда понял я, что предложи тем самым деятелям, кто сегодня в Армении никак не хочет отказаться от Карабаха, предложи им эту землю, но с условием, что предварительно все его жители будут перебиты, они бы сочли этот вариант не только приемлемым, но и более предпочтительным, ибо для них, рафинированных, так сказать, армян, карабахцы являются второсортными соплеменниками, ибо за долгие годы общения с азербайджанцами успели «испортиться» и лишиться чего-то такого, что только им одним и ведомо.

Но поскольку в Карабахе не случалось и дня, чтобы я не был зол, то это начавшееся протрезвление уже не могло оправдать в моих глазах тамошнего обывателя, и хорошо это или нет, я часто ловил себя на мысли, что думаю о них в том плане, что так тебе и надо за все порожденное тобой горе и что прав афоризм, согласно которому каждый народ имеет то правительство, которое он и заслуживает. А пока... а пока я сидел в самолете, уже пошедшем на посадку, и строил всяческие догадки насчет того, каково и как сложится у меня в этом городе.

«На трудовом фронте» и вокруг него

Некогда в средствам массовой информации часто мелькали выражение «на трудовом фронте». Для меня же моя, так сказать, трудовая деятельность в дни пребывания в Степанакерте была фронтом уже не в аллегорическом, а в самом прямом смысле.

Итак, я в Степанакерте и останавливаюсь у родственников в надежде, что устроившись на работу, сниму и квартиру. При таком наплыве людей найти в этом городе работу — весьма проблематично, но я надеялся на то, что я — кандидат наук, имею научные публикации, у меня неплохой послужной список, да и к тому же кое-кого знаю накоротке. Собственно, так и оказалось: кандидатов на всю область раз-два и обчелся, свою роль сыграли и знакомые. Уже на второй день своего приезда меня отвели в горисполком и представили людям, кои могли бы мне помочь. Я сразу же попал на прием к Седракяну, который изучив мою трудовую книжку и обратив внимание на то, что я некоторое время сотрудничал в Институте проблем социально-экономического развития Баку, сказал, что возьмет меня под свое начальство. Однако на него почему-то неприятно подействовало то, что я кандидат наук, а когда, порасспросив о семье, он узнал, что я женат на азербайджанке, основательно помрачнел. Скажу, к слову, что на здешних чинуш эти два факта моей биографии действовали, как правило, дурно. Но вернусь к Седракяну. Слегка подумав, он все же решил меня взять к себе, но как я понял, поначалу уже на более скромную должность. Что касается меня, то в душе я дал себе слово с ним не работать или, по-крайней мере, долго не задерживаться. Тем временем, вернув мне документы, он направил меня к своему заместителю для практического решения вопроса. Сидела она этажом ниже, и пока я нашел ее комнату, она по звонку его уже была в курсе дел. Дама эта мне предложила должность экономиста, а моя работа сводилась бы к обобщению показателей и подготовке справок по ряду отраслей экономики области. Я поблагодарил ее, и сказав, что мне надо будет скопировать документы, вышел.

В горисполкоме я бывал еще с неделю, имел беседы с некоторыми людьми, но сейчас я хочу рассказать о Седрокяне. С ним я встречался еще дважды, но гораздо больше знал о нем от других людей и из документов, с которыми познакомился в самом горисполкоме, да еще в Газовом управлении, куда и устроился на работу.

Седракян любопытен тем, что это он руководил и непосредственно осуществлял подчинение и сращивание

экономики области с экономикой Армении, являясь, тем самым, ответственным за реализацию постановления Верховного Совета Армянской ССР «О включении в государственный план экономического и социального развития Армянской ССР на 1990 год плана социально-экономического развития НКАО на 1990 год». Эта и впрямь циничная акция тогдашнего руководства Армении, впрочем, не отмененная и нынешним, и послужила той последней каплей, которая взорвала терпение азербайджанского народа. И мне хотелось узнать, коль представилась такая возможность, как это реализуется. Но сначала еще два слова о Седракяне. Он, житель Еревана, был экономистом со стажем и опытом, проработавшим в плановых органах немалые годы и на хороших должностях. Но в НКАО он приехал не только по настоянию своего руководства, но и по собственному желанию, и не без корысти. А дело в том, что в Армении тогда начиналась избирательная кампания в парламент республики, и он не без резона полагал, что такой, с позволения сказать, патриотический шаг ему зачтется. Забегая вперед, скажу, что расчет его не оправдался, и все по той причине (как он сам объяснял своим работникам, от которых я и слышал), что в Армении набирала силы антикоммунистическая истерия, а вот выйти из партии он как-то не догадался.

Семья его оставалась в Ереване, а он, переехав в Степанакерт, сразу же получил от тамошнего руководства и прописку и квартиру. Работал он заместителем председателя горисполкома, но что касается вопросов функционирования экономики области, то тут он был и дирижером и первой скрипкой. Документы по этой части подписывались им и были обязательны для исполнения. В плане сращивания экономики области с народным хозяйством Армении он действовал весьма расчетливо и цинично, словом в духе того самого постановления Верховного Совета Армении. Делалось это так.

Те предприятия области, для которых существовал аналог в Армении, сразу же становились филиалом вторых, — с общим руководством, планом и отчетностью. Координировалась и вся номенклатура продукции, поскольку поэтапно изменялись поставщики и потребители, из числа которых исключались все объекты, расположенные на территории Азербайджана. Естественно, заводились новые печати и бланки на русском и армянском языках, в которых Азербайджан и не упоминался. Производя эти свои операции, Седракян при необходимости ссылался на закон о социалистическом предприятии, хотя прекрасно знал, что коммерческая самостоятельность не есть самостоятельность административно-юридическая.

Этот маневр был применен в частности, к крупному промышленному предприятию области — электротехническому заводу, выпускавшему светильники, — он стал филиалом ереванского Объединения «Луис» (Свет). Другие предприятия хоть и не имели в Армении своих аналогов, но могли укладываться с ними в единую технологическую цепочку, тем самым, не становясь их филиалами, образовывали бы с ними солидное объединение. Такой план мыслился применить к самому, пожалуй, крупному предприятию области — Каршелкомбинату, выпускавшему шелк-сырец. Предполагалось, что его окраска и переработка в конечный продукт будут сконцентрированы в Армении, и вот тебе, пожалуйста, готовый концерн. Оказался ли этот план относительно Каршелкомбината реализованным, я не знаю. И, наконец, третьи предприятия — уже мелкие, просто переподчинялись соответствующим ведомствам Армении. Это, правда, пока не касалось предприятий местного, то есть областного подчинения, но в том до срока особой нужды не было, и с ними устанавливались лишь, так сказать, творческие связи. Вообще, надо сказать, что чем проблематичнее становилось присоединение области к Армении «де юре», тем больше делался упор на это присоединение «де факто», и именно экономика должна была сыграть здесь ведущую роль. Собственно этому была посвящена и вся деятельность Седракяна, и поскольку проявлял он в этом деле поистине кошачью изворотливость, авторитет его в вопросах экономики был непререкаем. И чтобы не возвращаться более к сему человеку, скажу, что как только он узнал о своем провале на выборах в парламент Армении, обозлился на весь свет, потеряв всякий интерес к Карабаху, который, как не раз он высказывался, одних вознес до политических высот и без особых на то оснований, а ему, положившему столько сил, не помог и в такой малости. В темпе он свернул свою деятельность и уехал восвояси, оставив догорать эту землю в пожаре междуусобицы уже без собственной персоны. Скатертью дорога!

Пока я ходил по коридорам горисполкома, представилась возможность устроиться на еще одну работу в этой же системе. Предполагалось создать в Аскеранском районе агрокомплекс, и мне предложили заняться подготовкой документов и проекта. Но меня это не соблазнило, ибо идея эта, исходившая все от того же Седракяна, была столь же нечиста, и предусматривала тесную привязку комплекса к соседней республике.

Можно было бы попытаться устроиться на педагогическую работу, тем более, что какой-то опыт у меня в этом деле был. Но возможности тут у меня оказались более чем ограниченными. Я — армянин русскоязычный: изъясняться на армянском еще могу,

а вот с письмом и чтением совсем худо. А здесь все техникумы да училища в темпе переведены были на армянский. Правда, оставался еще педагогический институт, где занятия велись и на русском тоже. Но до окончания учебного года оставалось не так уж много, и мне, когда я пошел туда с одним знакомым, порекомендовали подготовить все документы, пообещав принять с нового учебного года. Но при этом сказали, что поскольку институт является филиалом кировоканского, то для утверждения надо будет туда и поехать. А вот этого делать мне и не хотелось.

И тут неожиданно мне представилась возможность, за которую я и уцепился: оказалась вакантной должность ведущего экономиста Газового управления, начальника которого я давно знал. Я сразу же согласился, поскольку руководствовался следующими соображениями. По профилю работы организация далека от политических интриг — раз; к экономике Армении, не имеющей своего газа, привязана быть не может — два; топливо поступает по газопроводу из Азербайджана, и, таким образом, хоть какая-то ниточка связи с республикой для меня проглядывается — три. И хоть отродясь газом я не занимался, я тотчас же согласился. Неплохой по обстоятельствам нынешним оказалась зарплата, шли ежемесячные премии, и все же мои предположения не сбылись. Во-первых, человек, взявший меня на работу, через месяц вышел на пенсию, а новый начальник Управления во многом отличался от прежнего. Сейчас мне кажется, что обстановка в области сказалась на его выходе на пенсию, и это показательно, как показательно и то, что именно при этих обстоятельствах согласился на должность начальника сменивший его человек. Я останавливаюсь на этом факте вот почему. В мае 1988 года по инициативе тогдашнего первого секретаря обкома Г.Погосяна был создан так называемый Совет директоров, по сути, координирующий всю сепаратистскую возню на предприятиях. Позже этот Совет был распущен, но фактически продолжал свою деятельность. Штаб, руководящий всеми антиконституционными акциями, находился в горисполкоме, куда переехало и областное руководство, оставив прежнее здание, где разместился Республиканский Оргкомитет по НКАО Азербайджанской ССР. А переехало оно, видите ли, потому, что с Оргкомитетом не желали контактировать. Ну, руководством Азербайджана областные и исполком, и комитет партии были распущены, приказав, как говорится, долго жить. Итак, штаб сепаратизма, как я уже сказал, размещался в горисполкоме, а руководили им все те же Балаян, Манучаров, Григорян, Бабаян, Мирзоян, Погосян и еще несколько лиц. Конечно, я и сегодня

уверен, что были «птицы и более высокого полета», но те находились вне области, а здесь всесильным был именно этот штаб. Он и назначал и смещал директоров предприятии, держал в своих цепких когтях всю социально-экономическую жизнь области. Это было видно и по поведению начальника Газового управления, где я теперь работал. Поскольку, как я потом узнал, в главном ситуация на всех предприятиях и в организациях была схожа, то позволю себе рассказать об этом Управлении. Его главка находился в Баку, откуда поступал газ, а самому Управлению были подчинены так называемые газовые конторы во всех районных центрах области. К тому времени, когда я стал там работать, Управление прекратило всякие контакты со своим главком, а Шушинская контора была выведена из его состава. Чтобы охарактеризовать ситуацию, расскажу об одном случае, имевшем место месяца через два после начала моей работы в этой организации. Был обеденный перерыв, и никого, кроме меня, на втором этаже здания, где размещался аппарат управления, не было. Я стоял у окна в коридоре, когда в комнате, занимаемой бухгалтерией Управления, раздался звонок. Телефон не умолкал, звонок был похож на междугородний, и я решил поднять трубку и объяснить что сейчас у нас перерыв и пусть, мол, позвонят через час. Я так и сделал, и войдя в ту комнату, поднял трубку.

— Здравствуйте, — сказали мне на том конце связи.

— Здравствуйте, — ответил я.

— Это из Баку. — сказали мне.

— Из Баку, — воскликнул я, словно меня с чем-то поздравили. очень приятно. Чем могу быть полезен? — Почему, — спросили меня, — вы не шлете отчет? Ведь прошли все сроки.

Но не успел я ответить им, что я непременно выясню в чем дело, к кто-то вырвал у меня трубку, и грязно выругавшись в нее, бросил как ее на рожки аппарата.

Потам этот человек, повернувшись ко мне, заорал теперь уже на меня: — С ними у нас все кончено. И не смей с ними говорить.

Оказывается, когда я вошел в бухгалтерию, он поднимался на второй этаж, а услышав мой разговор и поняв, что я говорю с Баку, выкинул этот свой грязный поступок. А был-то он всею лини, прощелыга, мелкий интриган и прожженный до мозгов костей националист. Интересно, что о случае этом узнал и начальник Управления, и сделал, что называется, внушение, но не ему. а мне.

Вообще же обстановка в Управлении, как и к целом в области, была нервозной. Люди были издерганы, измотаны, жили интригами, слухами, чего-то ждали, чего-то боялись, — и так изо дня в день.

В помещении, где располагался аппарат управления, вместе с рабочими из прилегающего гаража, нас насчитывалось человек тридцать, и мое общение с людьми, этакое небольшое социологическое обследование, показало, что процентов тридцать с самого начала были против карабахской авантюры, еще треть, устав и измотавшись, уже сожалела обо всем этом и жаждала завершения драмы, и только последняя треть еще упорствовала в своих заблуждениях. А среди этой трети было человек пять с психологией и впрямь пещерно-воинствующего национализма.

В этой пятерке особенно выделялась работавшая с нами некая Вилена — сестра Вачагана Григорьяна, того, кто делил трапезу вместе с Балаяном во время их голодовки. Она как цербер следила за тем, чтобы никто, паче чаяния, ни слова не сказал против всей этой авантюры. Ходила она всегда высокомерно и с заговорщицким видом, словно знала что-то такое, что только ей ведомо и недоступно простым смертным. Но поскольку все, что бы она ни говорила, всегда выходило ложью, то я очень скоро понял, что ничего-то она не знает, ибо откуда ей знать, если и брат-то ее не ведает, что творит. Проработав изрядно лет в системе газоснабжения и будучи дипломированным инженером, дело свое. насколько я могу судить, он знал, разбирался в технике, хорошо водил машину. Словом, с профессиональной точки зрения вроде бы все обстояло нормально. Но националистом он был еще более показательным, и когда он говорил по телефону с Ереваном, голос его от волнения преображался. А что касается рецидивов его бескультурия, да что там — хамства, то они могли сразить любого. Однажды в моем присутствии он сказал одному из сотрудников — отцу семейства — такие вот слона: «Мать твою заставлю плакать». Наорать на женщину для нею было явлением заурядным, а уж на мужчину — и тою проще. И если даже многое списать на нервозную обстановку в области, его такая этическая распущенность была непростительна в любом случае. Сама работа была для меня не очень сложной, и я по старой памяти, подготовил даже два материала — полустатьи, полудокладные по моделированию ценообразования реализуемого газа для определения условий рентабельности Управления.

И последнее, что считаю должным сказать относительно Газового управления. За то время, пока я там работал, начальник его раза три ездил в Ереван. Одна из причин его поездок мне была известна, и состояла она в реализации плана подчинения областного Управления какому-то ведомству Армении, то ли Армгазпрому, то ли еще какому-то. На этот счет я уже видел одно письмо все того же вездесущего Седракяна, да состряпанное в

самом Управлении, якобы по просьбе его работников, обращение в Совет Министров Армении, точнее в какое-то ведомство при нем, с тем, чтобы там сжалились и взяли Управление под свое крылышко. И вот однажды, вернувшись из поездки в Ереван, начальник нашего Газового управления вызвал меня и передал какие-то документы для изучения. Ими оказались Положение, структура, штаты и должностные оклады организаций, ведающих вопросами газоснабжения в районах Армении. Я изучил их, и когда дня через три пришел с этими документами к начальнику, то узнал от него, что наш вопрос подчинения тому самому ведомству Армении вступил уже в плоскость практического решения, и что мне необходимо подготовить наши планы на четвертый квартал и на 1991 год, и что мы срочно должны отослать их в Армению. С тоскою в сердце я возвращался на свое рабочее место, подумывая о том, как я ошибся, напросившись на эту работу. План у меня все не получался, его трижды переделывали, но наконец-то свели концы с концами, и материалы с какой-то оказией отослали в Ереван. Отослали и стали ждать. Но шло время, а ответа от них все не было. И вот однажды, когда я сидел у начальника, он позвонил в Ереван. Говорил он с ними долго, а когда положил трубку, то, оказалось, они ответили ему что, мол, сами сидят безо всякого газа и что заниматься этим вопросом в такую вот минуту и глупо, и смешно. Да, это понимали уже и там, а здесь, в области, находились люди, которые продолжали упорствовать в своем заблуждении, жили иллюзиями и этим же заставляли жить и его обитателей.

Последним мероприятием, которое я еще успел застать в Газовом управлении, было перевыборное профсоюзное собрание. Поскольку, как я потом узнал, на всех предприятиях и в организациях области они проходили схожие, скажу о нем пару слов. На собрании присутствовал заместитель председателя Облпрофа, то есть второе лицо в иерархии профсоюзных бонз области. Длилось оно где-то чуть более часа. и девяносто процентов этого времени говорил именно он.

Речь его состояла из двух частей, а вся первая часть была им посвящена пересказу той некрасивой, грязной возни, которую делегаты из НКАО затеяли на всесоюзной профсоюзной конференции с целью добиться того, чтобы областная профорганизация была представлена в профсоюзах страны вне Азербайджанской профсоюзной организации Националистическая демагогия их, к сожалению, смогла ввести и заблуждение кое-кого из делегатов конференции, и своего эти политиканы добились.

— Радости нашей не было предела, — так закончил этот тип

первую часть своей речи. Вот, оказывается, к чем состоял предел мечтании этих проф-националистов. В благодарность за такие их труды на собрании послышались жидкие аплодисменты пяти-шести человек из присутствовавших во главе с начальником Газового объединения.

Вторую часть своего спича этот руководящий профсоюзным работник посвятил тому, как должны расходоваться средства от взносов. Он призвал попусту их не тратить, сохраняя для поощрения активистов забастовочного движения в области.

Вот и все. И ни слова о том, для чего, собственно, существуют профсоюзы. Ни одного слова о необходимости бороться за эффективность производства, о социальной защите трудящихся, о жилищном строительстве. Все это уже не интересовало местную профсоюзную знать, погрязшую в национализме и дешевом политиканстве.

Ну, о работе все, ибо теперь мне хочется рассказать о том, как я не работал в рабочие дни, то есть о забастовках. Обычно этому предшествовало следующее. Начальник нашего Управления являлся на работу, как правило, одним из первых. Но иногда опаздывал и он на час, а то и на два. Как оказалось, это случалось всякий раз, когда его вызывали прибыть утром в горисполком, в тот самый штаб, о котором я уже говорил. Обо всем, о чем там говорилось, я конечно, не ведаю, но то, что среди прочего ему сообщалось о «страстном желании трудящихся» завтра бастовать — знаю точно. Придя на службу, он тотчас собирал нас и сообщал радостную весть: нашу «просьбу» удовлетворили, а посему завтра нам нечего выходить на работу, а следует к такому-то часу быть на таком-то месте. При той «демократической» процедуре решения вопроса: бастовать или не бастовать, какой был принят в нашем Управлении, впрочем, как и везде здесь, никто ни о чем, конечно, не спрашивал, да, собственно, и те кто уже принял это решение, ни в чьем мнении и не нуждались. Люди не ведали того под какими лозунгами они бастуют сегодня, но об этом хоть можно было догадаться, ибо лозунги эти были всегда одни и те же: «Свободу Арцаху», «Хотим миацум» и еще кое-что на ту же ми, как говорится, вариациями. Но вот чего поначалу я никак не мог понять, так это того, почему людей вывели на площадь именно сегодня, а не вчера и не завтра. И я подумал было, уж не выбирают ли они дни, проигрывая в рулетку. Азартная, правда игра, но ведь и сами лидеры движения затеяли не менее азартную игру, где ставка «пан или пропал». А потом понял: народный гнев, как говорится, стихийно проявлялся всегда именно к тому дню, когда в область должна была прибыть какая-либо комиссия или представители каких-то организаций. Причем «стихийность»

достигала своего апогея, когда это были организации, так сказать, сверхдемократического и архиправозащитного толка.

Как я уже отметил, на забастовки и манифестации выводили всех работников предприятий, за исключением разве что дежурных, и между сотрудниками, таким образом, не делалось никакого различия. Однако мои наблюдения показали, что на каждом предприятии были и свои относительно небольшие группы людей, которых поднимали всякий раз, когда надо было оперативно провести какую-нибудь акцию и когда требовалась не столько массовость — она даже могла помешать, сколько мобильность и в равной мере предельная степень разнузданности и дикости в поведении людей. В эти своеобразные группы быстрого и остервенелого реагирования набирались люди, отличавшиеся злобным и жестоким характером, крайней психической распущенностью, неуемностью проявления животных инстинктов и, прежде всего, инстинктов стадности и жажды крови, разрушения. Ну и, естественно, это были люди. основательно зараженные национализмом. Такие были везде, и скажем, в том же Газовом управлении упомянутая мною пятерка уже по всем признакам была готова сформироваться в подобную группу, но этого не было сделано, поскольку Управление было расположено на отшибе, и придать ей потребную степень мобильности при всем желании было невозможно. А она была крайне важна, и вот но какой причине. Дело в том, что, как ни трудно было выявить, насчитывалось ровно три категории объектов. на которые всякий раз и были направлены дикие выходки толпы, специально формируемой из этих групп.

Первую категорию объектов составляли областные прокуратура, суд и управление МИД, которые после доукомплектования их руководства товарищами из Баку существенно улучшили свою работу (несмотря па относительный саботаж определенной части среднего и низшего звена, находящейся под страхом мщения со стороны террористов).

Объектами второй категории были маршрутные автобусы и прочие транспортные средства из Шуши и Кяркиджахана, которые, следуя в Агдам и далее по трассе, усекали пригороды Степанакерта — первые в нижней, а вторые — в верхней части.

И, наконец, третью, и самую, пожалуй, опасную для здешних национал-сепаратистов категорию объектов обструкции составляли делегации министерств и ведомств Азербайджана, очень редко, но все же иногда заезжавшие в областной центр с благими намерениями разузнать, как обстоят дела на подведомственных им предприятиях и в организациях, и в чем они нуждаются. Надо ли объяснять, отчего эта категория была

особенно опасной для лидеров движения: объявив о прекращении всяческих контактов с Азербайджаном, они как черт ладана боялись любых встреч рядовых людей с представителями республики. Но ведь для того, чтобы разбить следующий по маршруту автобус, выломать двери, выбить стекла в прокуратуре, преградить дорогу микроавтобусу с делегацией из Баку, — для всего этого не годится забастовка, а нужна та самая озверелая толпа, которая способна и готова на любую акцию. Вот для формирования такой толпы и были наготове на предприятиях, в организациях, магазинах — да везде — те самые несколько людей, которых я и назвал группами быстрого и остервенелого реагирования. Своеобразная морская пехота национал-сепаратистов. А поскольку формировать толпу надо было именно оперативно, ибо никто не знал, когда, где и что свершиться, то и расположенные на отшибе, вроде Газового управления, предприятия и организации не годились. Увы, и я имел печальное удовольствие видеть эти группы, так сказать, в работе. Однажды в Степанакерт приехали руководящие работники Министерства связи Азербайджанской ССР, решившие навестить подведомственные этому Министерству областное управление. Благодарение Богу, что, прибыв на микроавтобусе и зайдя в областное управление почты, они были не одни, а с охраной из войск МВД. Руководитель делегации, представившись, только и успел сказать, что приехали они разузнать, в чем конкретно нуждается Управление, как тут же были задействовать эти самые группы остервенелого реагирования из учреждений, магазинов, парикмахерских и прочих, расположенных окрест объектов. По крайней мере, в тот момент, когда я проходил по улице мимо этого самого Управления, озверелая толпа насчитывала уже около ста человек. Она ломилась в двери, пытаясь войти в здание, и почти два взвода военнослужащих МВД с трудом ее сдерживала. Толпа бесновалась, а внутри помещения, разводя руками, о чем-то вопил тот местный начальствующий чин, что в это время находился в Управлении. Глядя на него, вопили и стоявшие рядом с ним работницы, не давая членам делегации вымолвить и слово. Толпа прибывала и от мгновения к мгновению все более зверела. Полетели камни и послышался звон разбитых стекол микроавтобуса. Люди сатанели, уже основательно потеряв человеческий облик. Крики, ругань, лязг, звон — все смешалось в дикой пляски разбушевавшихся неандертальцев. Интересная деталь: когда проходя по улице, я сравнялся с толпой и присмотрелся к ней, приметил одну женщину средних лет, весьма миловидную и опрятно одетую. Она тоже стояла в этой толпе, но ничего не выкрикивала, не

размахивала в такт своим крикам руками, как это делали другие, лишь озиралась на стоящих рядом. Потом, услышав лязг метала и звон стекол от бросаемых в автобус камней, я отвернулся от толпы и потерял эту женщину из виду. Однако минуты три или пять спустя, я почему-то вспомнил о ней и поискал ее глазами. Я нашел ее, но она ли это была! Теперь ее уже ничто не отличало от прочих в этой толпе, и я очень четко засек, что она только раза два, на мгновение, оглянулась на своих соседей, словно примеряясь и подстраиваясь им в такт, и также как и все, все более озверела. Да, люди в этой толпе уже лишены были человеческого облика, и мне казалось, что это и не люди совсем, а стая, и стая не та, что еще только вышла на охоту, и даже не та, которая почуяла след, а та, которая пойдя по следу, уже обложила жертву, готовясь ее растерзать. «Неужели, — думал я, — это те же люди, которым дано и чувство любви, и чувство дружбы. Но если так, то что все это значит, это озверение, эта осатанелость или, может быть, это и есть «зов генов и крови», и он сильнее всех прочих чувств, а моя и мне подобных ущербность не дает услышать этот зов. Но ведь тогда это значит, что звериное начало сильнее человеческого.»

Я думал эти мысли, и как не раз уже бывало в такие вот минуты, стали рождаться строки, которые сразу же врезались в память:

Вдруг люди вспомнили о зове,
О зове генов и крови.
А я хочу услышать слово,
Одно лишь слово о любви.

Всего одно, и я поверю,
Что этот мир не так уж плох,
Что человек не ровня зверю,
Но мир ль молчит, иль я оглох

Иль я оглох, иль мир безлюден,
И никого — кричи, зови,
Иль в череде кровавых буден
Уже нет места для любви.

Уже нет места чистой дружбе.
И мы ей тоже не верны.
Мы нынче все, мы все на службе
У все скверняшей сатаны.

Я шептал эти строки, а сатана национализма уже настолько разожгла в них животную агрессивность, что стая, сомкнув ряды и изготовившись к последнему прыжку, пошла стеной, пытаясь выломать дверь.

Солдатам пришлось открыть огонь, — стреляли они, правда, поверх голов, и толпа отпрянула. Солдаты, окружив собою, вывели из Управления депутацию, помогли ей сесть в изуродованный автобус, и приехавшие товарищи уехали в Оргкомитет.

Моя дорога на работу пролегала мимо здания Оргкомитета, и я еще дня три видел тот без стекол и весь обшарпанный автобус, и жуткая картина того дня опять возникала перед глазами.

Увы, приходилось, и не раз, видеть и то, с каким остервенением подвергаются камнеметанию маршрутные автобусы, следующие из Шуши в Агдам, но почему-то более всего в память мне запал такой вот случай. Здание, где раполагался Оргкомитет и где на площади перед ним и вокруг него всегда стояли бронетранспортеры и боевые машины пехоты с солдатами, находилось в нескольких метрах от гостиницы «Карабах», в одном крыле которого жили прикомандированные в область офицеры, а в другом — гражданский люд.

Как мог этот человек так ошибиться, — а это был азербайджанец, прикомандированный из Баку в ведение Оргкомитета, — и до сих пор не могу понять, но выйдя пройтись на площадь, а площадь эта изрядных размеров, он, возвращаясь, спутал и вместо здания Оргкомитета, направился к гостинице. Уже перед входом он понял и стал озираться, чтобы сообразить, куда и в какую сторону ему теперь отправиться. Было где-то полседьмого, в летний день, когда к этому времени нависают лишь сумерки еще не так темно. Я как раз поднимался по улице, поднимался медленно, поскольку подъем там крутой, и видел, как метрах в десяти-двенадцати стоит мужчина и озирается по сторонам. И вдруг слышу, как со второго этажа гостиницы какая-то женщина пронзительно и на всю предгостиничную площадь крикнула: «Он из Оргкомитета, я видела его.» И тут же, откуда они только взялись, этого мужчину окружила толпа женщин примерно и восемь-десять человек, и буквально в это же время из боковых дверей гостиницы вышли трое офицеров. Поняв в чем дело, они побежали к толпе, на ходу расстегивая кобуру своих пистолетов. И пока офицеры подбежали к тому месту, где стоял этот человек, женщин уже не было, они разбежались кто куда. Поверите ли, все происходило в таком темпе, что в окружении женщин он находился не более полуминуты но что они успели с ним за это время сделать. Я, прибавив шагу, был уже в трех

метрах от него. Лицо его было все исцарапано, и местами выступила кровь, шляпа валялась на земле, а волосы был» взъерошены. На плече и на лацканах перекошенного пиджака лежали клоки волос, галстук торчал вбок и наружу, а воротник рубашки распорот. Мужчина этот в городе, по всему, был в первый раз, по крайней мере за время этих событий, и он никак не мог понять, что же произошло. То ли от боли из-за выцарапанного лица, то ли от досады, но у него из глаз текли слезы, и, глядя на эти слезы, трудно было не проронить своих. А ведь это были женщины, женщины разного возраста, женщины, коим жестокость, кажется, заказана была самим богом. Офицеры отвели его в кабинет, а я продолжил свой путь, и на душе была такая тоска, что не хотелось и жить. В Степанакерте бессонница вообще мучила меня, а в ночи, коим предшествовали подобные происшествия, я до утра не смыкал глаз.

В ту ночь я лежал с открытыми глазами, видел лицо этого мужчины, видел тех женщин, словно стая антилоп разбегавшихся в разные стороны и секунду назад истязавших его, вспоминал ту миловидную женщину из озверелой толпы, тех молодых ребят, что норовили попасть камнем в ветровое стекло автобуса, чтобы ранить водителя, который в этом случае, не удержав управление, послал бы автобус в овраг, видел, вспоминал все это и думал: а может прав Фрейд, и никуда они не ушли, инстинкты наших далеких предков по эволюционной цепи, тех самых протогорилл, от рева которых стыла кровь у всего живого в девственных джунглях сотни тысяч, миллионы лет назад, и мы лишь загнали эти звериные инстинкты в подкорковые дебри сознания, прикрыв их экраном из образов и представлении, рожденных воображением хилых, вымирающих, проигрывающих схватку за жизнь то ли романтиков, то ли обломовых, которые ведь были во все эпохи цивилизации: от античности до постиндустриального общества. Но по всему, они зря старались, ибо экран-то оказался дырявым, и всякий раз, когда жизнь являет людям свою изнанку, все добродетели летят к чертям, и уже не ими, а инстинктами протогорилл и руководствуются они в своих поступках. Да, старик Фрейд был прав! Думал я в ту ночь и о том, что случись мне сейчас возможность, я бы непременно занялся абсолютно новым для себя делом — психологией толпы, и что жаль, что в социальной психологии нет такого особого раздела, ибо, как показали карабахские события, наиактуальнейшая это нынче вещь — из всех проблем общественных наук — наиважнейшая. А думал я так, ибо вспоминал, как та самая женщина, о которой из-за ее миловидности секунду назад еще нельзя было того подумать, все более заряжалась от своих соседей по толпе

остервенением и осатанелостью, порождая во мне мысль, что, по-видимому, сознание или, может, подсознание — это все тот же колебательный контур, и когда такие колебательные контуры у всех людей, что собрались вместе, рядом, начинают резонировать, поскольку частоты чего-то таково их сознания совпадают, вот тогда и достигает своих максимальных амплитуд уже единый для всей толпы позыв к высвобождению самых чудовищных, звериных инстинктов. Увы, я видел это, и мне было признаюсь страшно, поскольку никогда не носил с собою оружия, а между тем, такую толпу могут заставить отпрянуть только выстрелы, только автоматная очередь.

Можно, конечно, возразить, можно сказать, что человек с достаточно развитым интеллектом не подвластен если и не национализму вообще, то хотя бы его такой крайней форме как пещерный национализм. Но в том-то и дело, что идеологи «карабахского движения» апеллировали не к интеллекту обывателя, сколь бы он скромен ни был, а к самым иррациональным формам мышления. И как показали мои наблюдения, это тем успешнее им удастся, чем интенсивнее и всесторонне ведется националистическая пропаганда и чем при этом больнее и глубже травят душу обывателя. Вот об этой травле я и хочу здесь немного поговорить.

Так вот, когда исследуешь содержательную сторону этой пропаганды, то бросается в глаза на первый взгляд странный симбиоз двух тематических направлений: с одной стороны вечный зов к радости, к гордыне за исключительность, величие своего народа и его истории, а с другой — не менее постоянное щекотание его нервов, его покоя призывают к плачу, к скорби все за тот же свой народ и за ту же его историю. Но это вовсе не странный симбиоз, ибо радость-то у обывателя должна быть от того, что мол, вот какой армяне необыкновенно талантливый, гениальный, созидательный народ — не чета другим, и ему, этому обывателю есть что защищать, а скорбь и плач нужны для того, чтобы он ни на день не забывал, какие изверги его окружают, сколько бед они ему принесли, сколько еще могут принести, и тем внушать все тому же обывателю ненависть к соседу.

Ведь не внушив ненависть, трудно призывать к захвату его земель. Так что оба эти направления — две стороны одной медали. О том, как проповедуется исключительность армянской нации, я уже говорил, и здесь на этом не буду останавливаться, а скажу лишь немного о том, как растравливается душа обывателя скорбью. В этой связи вспоминаю прочитанное мною в прошлом году в одном из номеров «Правды» интервью, которое дал этой

газете один общественный деятель из Германии, сказавший, что немцы оттого за столь короткий срок смогли встать на ноги, что постарались побыстрее забыть о несчастьях прошлого. Написал я вот эти строки и вспомнил, что моя покойная мама в детстве мне часто говорила: «Не плачь — в доме, где плачут, непременно случится беда.» Но для националистических кругов Армении подобных истин не существовало, оттого-то ни повысить жизненный уровень своего народа, ни избавить его от беды они не смогли. Нет, я вовсе не хочу сказать, что в истории Армении не было трагических страниц. Было, конечно, и их не могло не быть, живя на таком перекрестке дорог. Но у кого их, скажите, не было. И не могучий ли русский народ пережил трехсотлетнее порабощение. Ну, а если говорить о народе азербайджанском, то не он ли разделен и по сию пору. Но нигде так не эксплуатируют эту тему, как в кругах армянского националистического истеблишмента, и все потому, что, спекулируя на ней, легче держать народ в состоянии «взведенного курка». А в том, что плач этот зачастую лицемерный, а слезы — крокодильи, я удостоверился сам.

Будь, пожалуйста, повнимательнее, читатель, ибо я хочу поведать теперь «О Сумгаите», о том, как нечестиво используется эта тема. «Сумгаит», конечно, трагедия тех, кто погиб в этих событиях, кто был искалечен, кто был вынужден бежать, оставив свой дом, и об этом говорили многие из числа азербайджанской интеллигенции. Мир помнит, какую истерику подняли многие в Армении в связи с сумгаитскими событиями, как, обвиняя азербайджанский народ едва ли не в геноциде, попытались и эту, как им казалось, козырную карту использовать в целях аншлюса Карабаха. А как была использована эта тема для травления души карабахского обывателя, для усиления все того же плача по многострадальному армянскому народу. И знаете, о чем я думаю: а может быть это действительно народ-страдалец, если история столь часто подбрасывает ему в лидеры таких нечистоплотных политиканов. Судите сами: в Степанакерте, после этих событий в темпе был сооружен памятник жертвам, куда периодически водили школьников и студентов — плачьте, бедные соплеменники. А в то же время и все тот же националистический истеблишмент рядил и судил, какую выгоду он может извлечь из столь удачно проведенной операции. не верите? Так вот, слушайте.

Прибыв в Степанакерт, я, как уже говорил, первые несколько дней часами бывал в Горисполкоме. И вот в один из тех дней у меня состоялся разговор с одной тамошней дамой-чинушей не последнего разряда. Беседа свелась к карабахским событиям, и

она сказала мне буквально следующее: «Сумгаит» — это ведь такая удача, но, увы, не в полную меру мы смогли использовать столь благоприятный момент. «Да ведает ли эта женщина, что говорит,» — подумал я, и решив, что она психически, видимо, уже не того, быстрехонько ушел от нес. Но подобные разговоры возникали в кругу то одних, то других людей, пока однажды в одной из ереванских газет я не прочел такой вот пассаж все на ту же тему: «Для решения карабахского вопроса мы не смогли использовать и такой благоприятный фактор как «Сумгаит». Интеллигенция Азербайджана была растеряна и обескуражена, а мы так и ничего не добились».

Я процитировал почти дословно. Цинизм, беспредельный, гипертрофированный цинизм! Видите как: азербайджанская интеллигенция была растеряна, а вот они, оказывается, рядили-судили, как использовать сей благоприятный момент. Да как же они-то не были обескуражены, коль столько слез готовы были потом пролить. Так значит, крокодильи были те слезы. Оказывается, да, и посему, будь, читатель, еще повнимательнее.

Как-то однажды в комнате, где было мое рабочее место, перестало говорить радио. Чтобы послушать, что транслирует городской радиоузел из Еревана, я вышел из своей комнаты и зашел к соседям. Однако уже минуты через три меня нашла секретарша начальника и сказала, что тот меня ищет. Я зашел к нему, и когда он спросил, где это я был, ответил ему, что, поскольку, радио в комнате не работает, зашел к соседям послушать.

— А что передавали? — спросил он меня.

— Да назначение министров, — ответил я, — вот только что решали вопросе назначении министра связи, почт и телеграфа. И тут, то ли мне, то ли самому себе, он задал вопрос

— Интересно, назначат ли на этот пост ...? Сказал он это как-то вполголоса, так что фамилии того, кого он назвал, я не расслышал, и сейчас не могу себе простить, что не переспросил его. Но я тогда не знал, как далее обернется разговор и задал ему вопрос: — А это кто, ваш приятель?

— Да нет, — ответил он, — это тот, кто организовал в Сумгаите все съемки. Технично провел работу. Определил точки, откуда вести эти съемки. Словом, постарался.

— А он уже заранее знал, что все это должно случится? — спросил я, не веря своим ушам.

— Ну, конечно, — ответил мне начальник, — у них все было рассчитано. И все же интересно, его ли назначат министром?

Я слушал его, но ум мой, мое сознание отказывались воспринимать эти слова.

— Да как же так, — думал я, — ведь если этот человек знал, то почему же он не поднял шум, не сказал об этом художнику Игитяну, поэтессе Капутикян, деятелю Амбарцумяну. Уж кого-кого, а их-то не надо учить тому, как городить истерию и шум на всю ивановскую. Эти, с позволения сказать, интеллектуалы такой бы подняли скандал, что «Сумгаит», не начавшись, заглох бы сам по себе. Но не сказал. А не сказал потому, что националистический истеблишмент жаждал «Сумгаита», он делал на него ставку, и вот теперь печально если о чем-то и сожалеет, то только о том, что не на всю катушку использовал такой благоприятный момент. Благоприятный — кощунство-то какое. Между прочим, в Древнем Риме среди тамошних следователей был в ходу принцип: если случилось преступление, не ищи поначалу преступника — ищи, кому это было выгодно.

Так кому же был выгоден «Сумгаит», то пусть он будет укором подлым душам, спровоцировавшим его, если только национализм не съел их души до основания, на что у меня, лично, нет надежды. Это во-первых. А во-вторых, справедливость требует того, чтобы рядом с этим памятником был построен и другой — азербайджанцам, убиенным в Гукарском районе Армении. Всем без винным жертвам карабахской трагедии. А пока..., а пока «Сумгаит» используют все для той же травли душ, для нагнетания ненависти к своим соседям. И наиболее разлагающе она действует, пожалуй, на души молодых людей, вед у них еще нет устоявшихся взглядов, четких жизненных позиций, да просто житейского опыта. И надо прямо сказать, что во своей черной работе господа — сценаристы драмы Карабаха кое в чем преуспели. Вспоминая, в частности, того, не знакомого мне парня из шашлычной, что похвалялся тем, как ловка он бросил булыжник в шушинский автобус, отчего разбилось его оконное стекло, а у женщины в автобусе по лицу потекла кровь. Что ж, Зорий Балаян вполне мог этого парня уже причислить в свой актив.

Не могу обойти и те, дважды мною виденные манифестации, действующими лицами в которых были студенты здешнего пединститута. Оба раза они проводились в небольшом парке, что находился напротив здания обкома — через площадь, где располагается Оргкомитет. Студенты держали плакаты все с теми же призывами, вроде «Свободу Арцаху», «Требуем миацум», «Да здравствует демократия» и им подобные, скопированные с клише балаяновских речей. На одной из таких манифестаций я вместе со знакомым сел в этом парке на скамью и стал наблюдать за происходящим. Любопытно было глядеть за группой из пяти-шести преподавателей, снующих между студентами. Временами

кто-то из них созывал к себе какую-то их часть, подбрасывал им очередной то ли лозунг, то ли призыв, отсчитал «раз, два, три», помахивая в такт рукой, и на счет «три» эта часть студентов во всю мощь молодых голосов вопила: «Арцах, Арцах» или «Миацум, миацум». Потом эти студенты шли отдыхать, а их место занимали другие. Наблюдая за всем этим, вспоминался мне тогда один случай шестилетней давности.

Есть в нашей стране, в Москве, специализированная государственная организация, так называемый ВНТИЦентр, в которой в обязательном порядке из всех научных учреждений и ВУЗов поступают сведения о начавшихся научных разработках, и сюда же, по их завершении, — копии отчетов. Эти сведения в виде специальных бюллетений доводятся затем до всех научных организации, а также ВУЗов, дабы, во-первых, предотвратить дублирование в стране работ, а, во-вторых, тем, кто изъявит на то желание, выслать копии имеющихся во ВНТИЦентре отчетов для использования их в своей работе. Так вот, шесть лет тому назад из этого самого Центра в республику поступает письмо с сообщением о том, что по более чем двустам работам уже год, два или даже три года как завершенным, к ним так и не поступили отчеты. Письмо завершалось просьбой посодействовать в отправке этих отчетов, и решено было выяснить причину сего прискорбного факта. Интересно в этой связи отметить, что половина всей задолженности, более ста отчетов, приходилась на Степанакертский пединститут, куда и был я командирован, чтобы как-то решить этот вопрос. Приехав в Степанакерт и попав на прием к ректору, я рассказал ему о цели моего визита и попросил объяснить причину такой большой задолженности. В кабинете кроме ректора напротив меня за приставным столом сидела какая-то сотрудница института, которая внимательно слушала меня, а к концу моего разговора встала и ушла. Кончив свою речь, я приготовился слушать, что скажет ректор в объяснение ситуации, но он все тянул время, искал какую-то бумагу, сказал, что дела его совсем заели, и что... И в это время чуть ли не бегом в комнату вошел один мужчина, у которого, помню, левый рукав рубашки был наполовину пуст. Он представился проректором по научной части, заявив мне, что по подобным вопросам следует обращаться не к ректору, а к нему, что ректор у них человек замечательный, что работа у них на высоте, чему свидетельствует благодарности и грамоты Министерства высшего и среднего образования Азербайджана, которые он мне может продемонстрировать хоть сейчас.

Я ответил ему: «Охотно верю, что ректор у вас — человек замечательный, но что факт есть факт, и из положения надо

выходить.» Он тут же собрал преподавателей, объяснил им ситуацию, те заверили проректора, а проректор — уже меня, что отчеты, мол, все имеются и в течение десяти дней будут напечатаны и отосланы. Я поверил проректору, тем более, что ректор присоединился в его заверениям, добавив, что за тот участок работ, которые контролирует проректор, всегда можно быть спокойным. Вопрос вроде бы был решен, хотя, скажу к слову, что и через три года половина отчетов так и не была отправлена во ВНТИЦентр. Но суть вопроса сейчас не в том, и в ту свою командировку я, как уже сказал, поверив заверениям, вернулся в Баку. Так вот эта история и вспомнилась мне в Степанакерте, в том самом парке, когда я глядел на студентов, выкрикивающих, очередной лозунг. Я вспомнил, как похваливали тогда друг друга ректор и проректор, и хотя делали они это весьма неуклюже и не к месту, на душе от той шестилетней давности картины стало тепло: ведь первый был армянином, а второй азербайджанцем. Мне было приятно это воспоминание, и я даже смаковал подробности того дня. А потом возникла мысль: а где сейчас этот проректор-азербайджанец? Что с ним-то сталось?

Я оглянулся по сторонам и увидел одного старшекурсника, сидевшего на соседней скамье. Попросив его на секунду подойти к себе, я спросил его, не помнит ли он того человека, у которого не было полруки и который работал тогда, шесть лет назад, проректором здешнего пединститута. — Помню, знаю его, — ответил он, — это его в позапрошлом году мы не впустили в институт.

— Как не впустили? — поинтересовался я.

— А так. Встали у дверей и не впустили. Куда он потом делся, не знаю, — уточнил этот студент и вернулся к своей скамье.

А я, выслушав этого студента, почувствовал, как что-то зашевелилось в моей памяти.

— А ведь, черт возьми, — думал я, — эти слова я, по-моему, не впервые слышу.

Я припоминал и вспомнил. Нет, этих слов я не слышал, я читал их. Давно читал. Читал о том, как в 1933 году в Германии в Геттингенском Университете группа студентов-немцев не впустила в аудиторию профессора математики Э.Ландау, красу и гордость математической школы Геттингена, по причине его еврейского происхождения.

И снова я подумал о тех самых «коричневых оттенках», которые и через пятьдесят пять лет сквозь толщу времени пробились-таки на свет. Ах, как живуч он, этот воинствующий национализм. А ведь в тот раз не впустили своего преподавателя

студенты-немцы, представители народа, давшего миру создателей божественной музыки — Бетховена и Баха, великих поэтов — Гете и Шиллера, великих ученых — Гаусса и Герца, великих философов — Гегеля и Канта. И были они студентами не провинциального пединститута, а того самого Геттингенского Университета, славу которого ковали Гаусс, Риман, Клейн, Гильберт — великие имена, великие традиции. Так сколь же сильна зараза национализма, если она смогла изъесть души даже тех студентов — наследников таких славных традиций... Тех юношей, что преградили дорогу Э.Ландау, а не впустив его в аудиторию, возглавлял студент Отто Тейхмюллер, талантливейший математик, уже студентом выполнивший ряд прекрасных работ. Но талант математика не помешал ему быть последователем нацизма, и, уйдя на фронт, он в 1943 году погиб на российской земле.

Дома в Баку у жены моей среди прочего хранятся и две такие мои книги: Герман Вейль «Введение в теорию относительности» и Гельмут Хассе «Теория чисел».

Вейль и Хассе — два немца выдающегося математического ума. Однако когда нацисты предложили Вейлю пост директора Математического института в Геттингене, он отказался и в 1933 году покинул Германию. Но когда этот же пост они предложили Хассе, он согласился, оказавшись убежденным нацистом.

По силе ума, по выдающимся способностям Вейль и Хассе не уступали друг другу, но сколь разными они были по духу. И право же, поневоле начнешь думать, что есть у человека помимо материальной субстанции — мозгов с извилинами ума — еще и нечто материально неосязаемое — душа, ибо чем-то же должны были отличаться эти два больших, чрезвычайно талантливых человека. И еще думаешь о том, как же далеко продвинулся наш XX век от века XIX. Ведь это в том самом девятнадцатом веке Пушкин в одной из своих маленьких трагедий — в «Моцарте и Сальери» утверждал, что гений и злодейство — две вещи несовместимые. Но ведь совместились же они и в Хассе, и в гениальном инженере — «ракетном боге» Отто фон Брауне, и во многих. История предвоенной Германии полна ими.

Конечно, в провинциальном Степанакерте не сыскать математических умов Вейля и Хассе, но Хассе-нацистов — с лихвой.

Вспоминаю в этой связи одного мужчину, годами лишь немногим моложе меня. Я иногда поигрывал с ним в шахматы, и вот однажды, во время игры он задал мне вопрос: «Слушай, как же ты мог жениться на азербайджанке?»

Я попросил его впредь не заводить об этом разговоров, если

он не хочет, чтобы мы перестали знаться. Мы продолжили игру, но прошло минут пятнадцать, и он снова завел разговор на эту же тему, обратившись ко мне с такими вот словами: — «Нет, право, ты прости меня, но как ты все-таки мог. Это ведь все равно, что немцу жениться на еврейке, или еврею — на немке. «Я, конечно мог бы встать и уйти, но он сам мне подбросил тему, и, вспомнив, что он — коммунист, да, причем, из тех немногих, кто еще платит взносы, я спросил его:

— Ты, кажется, коммунист?

— Да, а что? — ответил он.

— Да то, — сказал я ему, — что самый первый в мире коммунист, которого ты, я полагаю, почитаешь, и был тем евреем, который, как бы тебе странным ни казалось, и был женат на немке.

— Да ну, — удивился он, — как же это было, расскажи, а?

И я рассказал ему о том, как Маркс — еврейский юноша, сын скромного судебного чиновника, влюбился без памяти в немку, арийку чистейших голубых кровей, красавицу Женни фон Вестфален, и как она вышла-таки замуж за Маркса, оставив богатый отцовский дом, порвав с родней, среди которой был и прусский министр, и разделила с Марксом все тяготы его жизни, а тяготы эти были таковы, что порой у них не было и пфеннига на хлеб. Я даже вспомнил по случаю и одно четверостишие, которое студент Карл писал юной Женни. и прочел ему:

Все то, чего мой разум,
Не одолел трудом.
Открылось сердцу разом
Во взгляде дорогом.

В этот день мы так и не закончили партию, но позже я встречался с ним еще несколько раз и видел, что мой рассказ о Марксе смутил его душу, и мне это приятно было сознавать.

Уж коль пришлось к слову, расскажу о еще одном эпизоде, который мне столь же приятно вспоминать. Приятно вдвойне еще и потому, что их там у меня было вообще-то не столь и много.

В Степанакерте я часто захаживал в один магазин, директором которого был бывший бакинец. С ним можно было говорить обо всем, не боясь и не оглядываясь. В магазине, кроме него самого, работал еще продавец — молодой парень, кажется, только окончивший школу. К закрытию магазина к нему часто приходили друзья — его одногодки, и некоторых из них я уже знал в лицо.

Так вот однажды и тоже к закрытию магазина эти ребята

пришли к своему приятелю продавцу, имея при себе кое-какую еду и крестьянское вино. Вечер был ветреный, на улице — холодновато, и ребята попросили директора магазина разрешить им, так сказать, отужинать в подсобке, а заодно и пригласили нас. Мы согласились, и этот ужин затянулся у нас часа на три. Не знаю, вино ли крестьянское или завывание ветра, напомнившие мне бакинские ветры, но в тот вечер я, кажется, никому не дал и рта раскрыть. Я говорил этим молодым ребятам о том, что думаю обо всем этом городе, о его чинушах, о его обывателях, и о том, как жаль, что они со столь юных лет и ум свой и душу развращают чумой национализма. Ребята и впрямь не высказали ни слова, то ли от того, что я не дал им вымолвить слово, то ли из уважения к моим летам, но когда дело уже шло к комендантскому часу, они молча убрали остатки нашей еды, и мы разошлись. Уже в тот же вечер, возвращаясь к себе, я, конечно, понимал, что был чересчур уж откровенен и что, бог знает, как все это восприняли они, а еще более — их родители, расскажи они им все слышанное в тот вечер от меня.

— Ну, да бог с ним, хоть душу отвел, — подытожил я свои мысли, решив, однако, в этот магазин пока не захаживать.

Но директор магазина дня через три сам нашел меня, заявив, что ребята очень хотят меня видеть, поскольку желают о чем-то со мной подискутировать.

В тот же вечер я был снова в магазине, и наша беседа снова затянулась до комендантского часа. Говорили мы о многом, а рассказывать об этом — не хватит и десятка страниц.

Еще трижды я встречался с этими ребятами, и теперь, когда я вспоминаю этих ребят, я уверен: что бы с ними не случилось, это уж не те ребята и уж, по-крайней мере, в подручные Зорию Балаяну не годятся.

Эти ребята — моя удача, но таких удач, признаюсь, было не много. Да и трудно было проводить подобную работу, ибо националистический прессинг сковывал сердца здешних обитателей страхом.

Однако вернемся к прозе дня.

Я уже говорил, что забастовки и манифестации проводились к приезду делегаций или даже отдельных лиц. Но когда это были люди, для здешних лидеров, так сказать, свои, в этих мероприятиях не было необходимости. Они и так уже знали, что к чему.

В этой связи несколько слов о визите в Степанакерт мадам Старовойтовой. Приехала она, как сама же заявила, в гости к своему другу Аркадию Манучару.

Поскольку и она хорошо знала многих лидеров движения, и

те ее неплохо знали, то и никаких забастовок и демонстраций не устраивали — в «тумане» необходимости не было. Ее встречала группа лиц, проводившая до дома, где живет Манучаров.

Дом этот большой, с большим же двором, и расположен рядом со школой. Так вот во дворе этого дома все же был устроен спектакль: ее там поджидала группа детей с мамашами, к которым она обратилась с бодрящим приветствием от «демократов», а затем раздала детям школьные калькуляторы — то ли от себя, то ли от тех «демократов». Но это уже детали.

И уж совсем по-другому происходят здесь встречи лиц, проезжающих по «карабахским» делам из Еревана. Эти наносили визиты либо для инспекции, либо для совета и координации совместных действий, либо же по делам предприятий, которые уже считали своими.

Наезжали они обычно без шума, не боевики ведь, и широкая общественность, с позволения сказать, об этом не знала. Встречи с их здешней братией напоминали, в некотором смысле, полусветские рауты в провинциальном оформлении. Политическая богема Степанакерта раболепствовала перед ними — еще бы, ведь то были чины из центра, удосужившие своим вниманием провинцию. С одним таким чином однажды повезло и мне сидеть за столом. Гость этот по рождению был местный, но учился в Ереване и остался после учебы в Армении. Здесь в Степанакерте у него были друзья туманной юности, которые в честь него и давали в тот день обед. Один из его друзей и взял меня с собой, да и то для того, чтобы я поддерживал разговор и гостю не было скучно. Обед напоминал пиршество: шашлыки были всех видов, напитки, закуски, пряности, специи — на все вкусы и изобилии.

Пятидесяти пяти лет от роду, он работал в должности заместителя министра, а в область приехал для инспекции каких-то предприятий. По отдельным его высказываниям можно было понять, что метит он в министры и баллотируется в парламент. Да только скажу уж сразу, что и этому, как и Седракяну, не повезло, ибо ему не простили того факта, что ранее он несколько лет работал на руководящих партийных должностях. Поначалу сидящие за столом все вспоминали школьные годы, а гость только и делал, что записывал в блокнот всяческие просьбы местных, обещая подсобить им. Понемногу, однако, разговор свелся к карабахским событиям, и кто-то из сидящих спросил его, как он оценивает ситуацию. Гость слегка подумал и. вздохнув, сказал примерно так: вся проблема в том, что нет у нас своей масонской ложи, не догадались предварительно создать ее. Помогла бы она нам очень. А друзья эти, видимо, о масонских

ложах и понятия не имели, а посему за столом воцарилось молчание. Мой знакомый, пригласивший меня на обед, зло посмотрел на меня, дескать, зачем же я тебя взял с собой, и давай уж, поддерживай разговор. И тогда я сказал ему: «В чем же дело, в области немало хороших каменщиков.»

Он расхохотался, а потом, приняв серьезный вид, ответил: «Не в людях дело, нет организации. Такой организации, у которой повсюду были бы крепкие позиции. Да-а, нужна, нужна нам своя масонская ложа.»

Он глубоко вздохнул, еще раз сказал: «Да-а», — и вновь принялся за еду. А я сидел и думал: «Неужто все они, как и он, полагают, что дело лишь в отсутствии своей ложи, своей какой-то особо тайной организации, которая, будь Она, непременно называлась бы Арцах; что разве мало уже действующих в Армении и за рубежом разного рода партий и общественных организаций; что с помощью даже самой сконспирированной лжи можно, наверно, немало натворить, кого-то дискредитировать, а если надо и убрать, кого-то вознести, кого-то на что-то спровоцировать, в конце концов, учинить скандал на всю страну, может быть, на всю Европу или даже на весь мир, но ведь не отхватить же среди бела дня у другой страны целый кусок земли, ведь это уже авантюра, а не политика.»

И сколько б еще не пролилось крови, «Карабахская» затея так и останется авантюрой. Но к такого рода разговорам мы больше за столом не обращались.

Однако вернусь-ка я снова на «трудовой фронт». О своем я вроде бы рассказал, что же касается сего вопроса в целом по городу, то бросалось в глаза широкое представительство в нем кооператоров, и все больше в сфере общепита. Весьма распространен был здесь и индивидуальный извоз — почти все такси были частными.

Я подчеркиваю эти факты вот почему. Даже после трех лет, терзавших экономику области вследствие длительных забастовок, отрыва естественных связей с народным хозяйством Азербайджана и по ряду других причин, — народ здесь жил все еще богато. Правда, многого уже не хватало, были перебои со снабжением. Но, во-первых, где в стране их не было, да и по настоянию местных ультра, идущие из Азербайджана грузы не принимались и не разгружались. Но денег у людей хватало. И когда я смотрел на это множество собственных машин, часть из которых была превращена в такси, на кооперативные шашлычные, в которых, несмотря на их высокие цены, всегда было полно народу, на длинные очереди в ювелирный магазин, когда в нем шла торговля, на горожан, возвращавшихся со своих огородов с

корзинами, полными овощей, ягод, зелени, и особенно, когда я вспоминал, как жили здесь люди до карабахских событий, злость переполняла меня. «Подлость, какая ложь, — думал я, — так жить и иметь наглость свой пещерный национализм прикрывать, видите ли, трудным социально-экономическим положением.»

Поскольку я говорил сам с собой, то стесняться в выборе выражений мне было ни к чему, и я продолжал: «Осел ты карабахский, разве не ясно тебе, что стоит области перейти к Армении, как обложат тебя со всех сторон, и кроме той кучки негодяев, что свели тебя с пути, все вы проигрываете. Теперь тебе трудно? Понимаю, а чего ты хотел? Месяцами не работал, едва ли не через день бастовал, столько людей сделал несчастными, тобою, видишь ли занималась вся страна, а ты возомнил себя белой костью. Ты посмотри, как живут в других районах Азербайджана, — кое-где я бывал. А посмотри, как в Армении. Да там с завистью смотрят на тебя. Или ты думаешь, что ты им понадобился? Бакинский армянин был намного тебя богаче и умом, и душою, а ведь о нем и не думали. Так будут ли они думать о тебе, провинциальном обывателе. Теперь многие из вас психуют, вы издерганы, измучены, у вас неврозы. Да, я слышал, участились инфаркты, расстройства ума. Ты не можешь заснуть от взрывов и автоматных очередей, от лязга гусениц. Но кто же виноват? Ведь иные из твоей братии упорствуют и по сию пору. Что? Ты говоришь, что уже не упорствуешь, что уже устал, уже нет сил. А ты забыл, как упрашивали тебя угомониться, понять, что ты — не пуп земли, что ты стравил два народа, посеял по всей стране заразу национализма. А ты возомнил из себя черт знает кого. И потом, не мне говори что ты устал, а скажи это тому Франгуляну, что не далее как вчера в увоей же газете «Советский Карабах» тебя и тебе подобных назвал «солью земли». Не соль ты, а солончак, сорняк натуральный. Или лучше скажи это тому же Зорию Балаяну и другим, что привели тебя к этой черте. Какого Лазаря они пели, а ты слушал их, разинув рот. И между прочим, твоя история и впрямь примечательна ибо всегда находились деятели, подобные им, что приводили народ к роковой черте.

Представьте себе, читатель, что вы житель Степанакерта этих страшных лет. Конечно, упаси вас бог, и все же представьте. А уж представив, скажите, какова могла быть ваша жизненная позиция, да просто ваше поведение в таких условиях. Конечно, в абстракции относительно любого процесса социальной природы возможны три позиции: участие в нем в направлении содействия процессу, участие в нем в направлении противодействия процессу, и, наконец, абсолютное в нем неучастие. Но это только в абстракции, ибо те господа, что раскрутили маховик карабахских событий, дело поставили так, чтобы обмарать любого, и для этой цели в выборе средств не стеснялись. И хотя в речах иных из них звучали слова «плюрализм», «демократия», «законность», — все это был блеф, а блефовать они были большими доками. Я однажды попытался подсчитать, сколько международных пактов и соглашений, сколько положений конституции было попрано в процессе карабахских событий, да сбился со счету. А уж сколько президентских указов было послано по Баку, — уж и говорить не приходится. Насколько эти господа чувствовали себя безнаказанно, свидетельствует уже один факт, что Р. Кочарян, член Президиума Верховного Совета Армянской ССР, демонстративно сжег перед разъяренной толпой постановление Верховного Совета СССР об отмене антиконституционного решения Верховного Совета Армянской ССР о присоединении НКАО, введя этим толпу уже едва ли не в состояние экстаза. А стоило представителю Военной комендатуры предупредить Зория Балаяна, что ежели он будет продолжать в том же духе, то его могут выдворить из области, как сразу же пошли по множеству адресов телеграммы: мол, нарушаются конституционные права гражданина. Чего тут было больше: цинизма, фарисейства или страсти к скандальной известности, — не знаю, но гражданской порядочностью тут и не пахло, — это точно. Достопамятный для меня Седракян был мастером казуистики и крючкотворства по части законодательных актов и правительственных.постановлений. В день моего первого визита к нему он, ведя со мной беседу, одновременно правил текст телеграммы Горбачеву М.С. о нарушении, якобы, властями республики каких-то пунктов Закона о социалистическом предприятии.

Однако вернемся к вопросу о том, как обстояло дело с возможностью противодействия или хотя бы неучастия жителей Степанакерта в противозаконных сепаратистских акциях. Приведу

для наглядности факты, случившиеся непосредственно со мной. Как-то вечером я сидел в шашлычной с одним человеком, которого очень хорошо знал. Мы вели ни к чему не обязывающий разговор, а за соседним столом сидело четверо ребят, по причине подпития несколько шумно себя ведущих. И вдруг один из них, не знаю уж по какому поводу, начал доносить азербайджанцев. Сидел он напротив меня, и я, поймав его взгляд, буквально врезался в его монолог:

— Скажи, а у тебя не было друзей или просто хороших знакомых из азербайджанцев?

Перебил я его неожиданно, и может поэтому реакция его на эти мои слова была замедленной. Но через мгновение он все же ответил мне:

— Было.

— Ну и как, — спросил я его далее, — все они были такие?

— Да нет, — так же вытягивая слова, ответил он, — как раз наоборот.

— Вот видишь, — только и успел я сказать ему, как острая боль пронзила мне шею. Это кто-то сзади больно и резко ребром кисти ударил меня по шее, и моя голова, отдавшись назад, упала на стол Не знаю, чем бы закончился этот случай, не узнай тот, с кем я пришел в шашлычную, ударившего меня человека. Он упросил оставить меня в покое, поскольку я человек новый и еще не подкованный.

— Вот когда подкуешь, тогда и выходи с ним в люди, — ответил тот, и мы, расплатившись, быстро ушли. Выходя, я успел разглядеть ударившего меня человека. Это был молодой мужчина лет тридцати-тридцати пяти спортивного покроя. В тот день он преподал урок не столько мне, сколько тем молодым ребятам.

— Век я тобой больше никуда не пойду, — укорял меня мой знакомый, сдержав впоследствии свое слово, избегая меня повсюду.

Многие из моих знакомых если не во-второй, то уж в третий раз предпочитали не приглашать меня ни на какие мероприятия, будь то дни рождения членов семьи или какие-то торжества, поскольку, как некоторые чистосердечно признавались, я своими репликами ставил их часто в щекотливое положение. Те мои родственники, у которых я остановился, уже тяготились мной, поскольку им приходилось слышать обо мне самое разное, включая и то, что я, по-видимому, подосланное кем-то лицо. Чуть ли не вся родня стала ускоренно искать комнату, которую я мог бы снять. Нет, я не хочу сказать, что все там были настроены столь воинственно как тот, что ударил меня в тот вечер, но такие были в каждом коллективе, и они терроризировали людей. В том

же самом Газовом управлении я насчитал человек пять подобных типов, способных в националистическом угаре на любую подлость. Мне, между прочим, повезло здесь, я как-то сразу сблизился с одним работником, который был в этом вопросе весьма лоялен, и он предупредил меня, кого особенно следует остерегаться. Лезть на рожон не имело смысла, ибо у меня были свои планы — рассказать однажды обо всем этом, но и вечно держать себя на привязи не удавалось, и я чувствовал, как из-за редких моих реплик эти пятеро люто ненавидят меня. Но, как говорят, бог миловал. К тому же следует иметь ввиду, что мое пребывание в НКАО пришлось на 1990 год, когда националистическое остервенение двух предыдущих лет пошло на убыль, а на его смену в умы людей все более властно приходило отрезвление. Но злобы хватало, и она еще творила свои черные дела.

Расскажу еще об одном случае. Однажды в послеобеденное время я ехал в автобусе на работу. У одного из перекрестков зажегся красный свет и автобус остановился. Снаружи людей было мало и улицу переходила одна единственная женщина. И вдруг я услышал, как сидящая впереди меня женщина, толкнув локтем свою соседку, громко сказала ей:

— Ахчи, ахчи, посмотри на нее. Идет и не боится, — показывая при этом рукой на женщину, переходящую дорогу.

— А кто она, кто она? — спросила соседка, разглядывая ту, что была на улице.

А та, что работает директором аэропорта, — ответила она. Я тут же повернулся к окну, чтобы увидеть эту женщину, но лица ее разглядеть не успел. Женщину эту я не знал и ни разу не видел — вот только сейчас, да и то со спины. Бывшая бакинка, она согласилась на предложение Оргкомитета и стала работать директором областного аэропорта, взамен прежнего, уволенного за саботаж рекомендаций и распоряжений республиканского Управления гражданской авиации и в своей работе руководствовавшегося приказами из Еревана. Скажу еще раз: женщину ту я не знал, но о ней, о ее мужестве было много разговоров и я подумал о том, как бы с ней познакомиться. А дней через десять едва ли не на весь город прогремел взрыв, убивший эту женщину. Тяжело был ранен ее сын, чуть легче муж. Я был у ее дома, стена которого была снесена взрывом, смотрел на эти развалины и думал: где вы, демократы, где Старовойтова, где Елена Боннер, где гнев праведников; или все пыль, все прах, все ложь, коль так вот легко можно творить черные дела. Тотальный, всеохватывающий прессинг страха сковал здесь сердца людей, какие-то темные личности творили свой самосуд, и

я с такой благодарностью смотрел на людей в военной форме, пусть еще не совсем, пусть наполовину, но все же осязаемо и зримо развеявших мрак и изгнавших в равной мере и террористов, и уголовников в расщелины гор и в отдаленные села. Да, они и там принялись за свое ремесло, наводя ужас на крестьян и время от времени делая набеги на города области. Но это было уже не то, хотя взрывов, автоматных очередей и прочих деяний террористов хватало. Особенно часто доставалось мосту, через который проходила дорога на Шушу. Помню, как сидя на работе, мы все вздрогнули от взрыва, хотя произошел он на том самом мосту, и значит, на противоположной окраине города, даже уже вне его. Потом, дня через два, я был на этом мосту — его тогда восстанавливали солдаты. «Это какой же мощи был заряд, — подумал я, — если мост оказался развороченным на такую длину. Лиц, творивших эти злодеяния, по сути, уголовников, иные называли защитниками Арцаха, партизанами или их аналогом — фидаинами. Слово это фарсидского происхождения, а газеты и журналы Армении и, не отстающая от них, газета «Советский Карабах», туманили сознание обывателя, обволакивая образы фидаинов из канувших в лету страниц истории Армении в романтический флер легенд и сказаний. Чуть ли не еженедельно в них печатались статьи то об одном, то о другом подобном герое, рекомендуя их юношеству как образы для подражания, прекрасно сознавая, что проповедуют-то терроризм. Я смею это утверждать, потому что в тех статьях, которые я прочел, фидаины тем то и прославились, что кого-то, где-то и как-то пристрелили. Не хочу вдаваться в подробности деяний фидаинов прошлого, в мотивы, кои ми они руководствовались, но ведь каковыми бы ни были эти мотивы. можно ли сегодня призывать к террору — групповому или индивидуальному — все равно. Ведь это самосуд, осужденный нынче во всех цивилизованных странах, — в странах, где и степень вины, и меру наказания должен определять суд. А если этого нет, то нечего го верить и о правовом государстве, и о цивилизации, хотя это послед нее слово, пожалуй, не сходило с уст Балаяна и ему подобных свидетельствуя лишь о степени их цинизма. Вообще надо сказать, что читая здешнюю прессу, а это, в основном, газеты и журналы Армении, слушая радио по городской сети, целый день транслирующие передачи из той же республики, сразу же замечаешь, что исторической проблематике в них уделяется огромное внимание. Слов нет, история — вещь увлекательная, и я тоже отдал этому увлечению не малую дань, но моей исторической страстью страстью был эллинизированный, греко-римский мир, и поскольку сфера его интересов в пору расцвета

Рима и походов Александра Македонского охватывала огромную территорию от Британии до Афганистана и западных окраин Индии, а значит включала и Средний Восток, то кое-какие подробности из истории Армении времен античности я знал. В этой связи вспоминаю такой вот случай. Как-то часа в в семь вечера я зашел в один из баров, заказав себе два пирожных и сок. Рядом, сдвинув и приставив друг к другу столы, сидели восемь молодых ребят лет шестнадцати — восемнадцати. Одна деталь: на стене прямо над головами ребят висела карта размерами сантиметров тридцать на тридцать. Она была обозначена так: Армения времен царствования Тиграна Великого.

Далее события развивались следующим образом. Минут через десять после моего прихода в бар вошел один тщедушный старичок лет под восемьдесят, который, заказал себе чай и булочку, сел за стол напротив ребят. Но сидел этот старик молча трех минут, да и эти минуты не столько о чем-то думал, что было бы естественно для его лет, сколько все смотрел пристально на ребят. И вдруг этот самый старик встает со своего места и, приняв петушиную позу, подходит к ребятам.

— Чем заняты ваши мозги? — строго обратился он к ним. — Над вами висит карта, а вы ни разу и не взглянули на нее.

— Да видели мы ее, не в первой раз здесь, — ответил один из ребят.

— Ничего вы не видели, — продолжал старичок, — смотрите, какой могучей была ваша родина. Вот о чем вам надо думать. Тигран Великий... И старик начал читать им лекцию о Тигране Втором, о его походах и что-то еще в этом роде. Ребята слушали его рассеянно, но старик, право же, воодушевлялся сам, рассказывая об этом кратком периоде взлета древнеармянского царства. Заметив, что я посматриваю в его сторону, он неожиданно обратился ко мне:

— Объясните же и вы им, чем должны быть заняты их мозги. Или я что-то неправильно говорил?

Я прекрасно отдавал себе отчет, каким ядом национальной гордыни старик отравить сознание этих ребят, ибо сам уже был безнадежно отравлен им. А что касается его лекции, то я, конечно, знал, что Тигран Второй действительно был самым удачливым правителем Армении той далекой поры, и так любой завоеватель отхватывал земли, где мог. Но что из того? Разве нынче времена все тех же войн и захватов, времена рабовладения и дикости. Но всего этого старику я не стал говорить, а ответил так:

— Правильно-то, правильно, да только в истории Армении это ведь был всего лишь краткий эпизод. Не более.

— Как эпизод? Как эпизод? — взорвался старик, перейдя на ты. — Да ты знаешь, что говоришь. А разве при царе...

И он начал называть мне имена правителей Армении времен то ли дотиграновых, то ли после. Я уж думал, а не прихватит ли его инфаркт, и решил сказать ему нечто примирительное.

— Что делать? — по-философски прервал я его. — В истории всякое бывало. Ведь куда велик был Рим, а и то исчез с лица Земли. Мы даже не знаем, как звучала латинская речь.

Однако моей примирительной нотки старик не уловил и завелся пуще прежнего:

— Что Рим? Что Рим? Да Тигран Великий и Рим посылал куда надо. Но тут уж не сдержался я, обидевшись за Рим.

— Послушайте, — прервал я его, — а вы знаете, что именно в ту пору в ходу была пословица, что когда в Риме сквозняк, все окрестные цари чихают. Вот как они побаивались Рима. На тысячи километров простужались от римских сквозняков.

Старик умолк, нахмурив брови, подошел к моему столу, упер об него руки, и, глядя на меня сверху вниз, грозно спросил: — Ты кто такой, а? Откуда взялся?

Я молчал. Минуту молчал и он. Затем резко повернулся и, забыв о своей шляпе, что лежала на его столе, ушел, широко расставив ноги, и столь быстро, сколь позволяли ему годы.

— Ты бы лучше ушел, да поскорее, — сказал мне сидящий за соседним столом мужчина.

Я так и сделал. Был уже девятый час, темень, и я, отойдя от бара метров на двадцать, вошел в подъезд одного дома, решив понаблюдать, что будет дальше. Долго ждать мне не пришлось. Минут через пять я увидел все тем же быстрым шагом возвращавшегося старика, ведущего за собой двух налегке одетых молодых мужчин. Они зашли в бар, потом вышли из него, осмотрелись окрест, и те двое, разведя руками, ушли восвояси, а старик уже один вернулся в бар. Такая вот смесь духовного одурманивания людей, подкрепляемая, при необходимости, аргументами, так сказать, физической природы.

Вообще надо сказать, что имя Тиграна Второго эксплуатировалось вовсю. Одна из газет из номера в номер печатала статьи о его деяниях. О нем пелись песни, записанные на магнитофонные ленты, а летучие отряды фидаинов, делавшие периодические набеги на земли Азербайджана, именовали себя то отрядами Тиграна Великого, то воинами Тиграна Великого. Почему столь часто вспоминали имя именно этого царя, — понятно, ибо таких масштабов армянское царство уже никогда не достигало. Вот и призывали следовать примеру тигранова войска. Слушая все это, я поневоле вспоминал иные времена, иные

примеры. Ведь точно также во времена Муссолини итальянским чернорубашечникам внушалось, что это они — наследники воинской доблести легионеров Цезаря и Помпея, а в Германии тех же лет Фюрер внушал молодым бюргерам, этим «белокурым бестиям», что «меч Зигфрида» заждался их, и что к походу их зовет «дух Фридриха Барбароссы». Вот так, всюду и везде, взывается к духу далеких и удачливых предков, когда зовет походная труба. Да только забывают, что походным этим маршам часто последуют похоронные.

Помню, как однажды сидя в городском парке, я наблюдал, как один пожилой мужчина читал вслух себе и сидящему рядом приятелю какую-то брошюрку о Тигране Втором и его походах, и от того, с каким пылом он все это комментировал, во мне тоже заговорил пыл, да только поэтический, и я написал тогда вот такие строки:

Что ты кичишься далекими предками.
Кто тебе в голову вбил эту чушь.
Годы величья! За этими ль редкими
Ты и лопатишь истории глушь.

Лучше-ка вспомни кровавые ссоры,
Все ведь уж было: изгнания, смерть.
Разве ушедших потухшие взоры
Не говорят тебе: хватит, не сметь!

Хватит — гони от родного порога
Тех, что зовут тебя снова к крови.
Люди ли это: давно уж без бога,
Нет в их сердцах ни добра, ни любви.

В деле неправедном ждать ли победы?
Нынче дорога твоя лишь одна:
Молча за стол сесть со старым соседом,
И за прощение выпить вина.

А что касается того самого старичка — любителя, так сказать, отечественной истории в ее определенном преломлении, то он выполнял в некотором роде теоретическую работу по обоснованию притязаний Армении на Карабах. А были и такие, что вносили посильный вклад и практическую работу. Мне, по-крайней мере, с подобным типом стариков пришлось однажды встретиться, и я позволю себе рассказать о нем.

Проливной дождь застал меня на улице, когда я стоял в двух

шагах от какой-то библиотеки. Прячась от дождя, я зашел в нее и взглянул на небо. Едва ли не до горизонта оно оказалось сплошь в грозовых тучах, и я понял, что ждать мне придется долго. Чтобы как-то скоротать время, я прошел в читальный зал, взял несколько журналов и, сев за один из столов, начал их листать. В зале кроме меня был еще лишь один старичок, который минут через пятнадцать после того, как я сел за стол, попросил меня в чем-то помочь ему. Я подошел к нему, и он, протянув мне конверт, спросил, не смогу ли я прочесть адрес на конверте. Запись я расшифровал и, возвращая ему конверт, обратил внимание, что перед ним целой стопкой лежат еще не менее двадцати пяти конвертов, на которых уже написаны адреса. Мое удивление он заметил и сказал, что если меня интересует, чем он занят, то советует мне сесть за его стол, тем более, что я могу быть полезен ему в расшифровке некоторых неразборчивых почерков его корреспондентов, которых у него несколько дюжин. Я так и сделал, и вот что узнал. Постараюсь быть очень краток. Оказывается этот старичок всеми правдами и неправдами, и прежде всего, из периодических изданий, проспектов, справочников, пособий, через частных лиц разузнавал адреса различных правительственных и общественных организаций, общественных деятелей, отдельных ученых, писателей, газет, журналов, радио, телевидения и еще бог знает кого. Как он сам мне рассказал, среди его адресатов были и люди, так сказать, рядовые: пионервожатые, начинающие спортсмены и музыканты, одинокие женщины, желающие с кем-нибудь завязать знакомство, девочки, ищущие верную подругу, и нечто еще в этом же роде. Их адреса он тоже узнавал из газет и журналов. И всем им, по собственной инициативе, этот старичок писал письма, в которых расписывал, насколько несчастен народ Арцаха, пребывающий чуть ли не в колониальном рабстве у Азербайджана, какие мучения ему приходится претерпевать и что, мол, терпение народа, народа-труженика, хранителя древнейшей культуры уже иссякло, и он восстал. В заключение он просил возвысить свой голос в защиту свободолюбивого народа Арцаха, проводить всякого рода акции протеста, поскольку, дескать, арцахцы оказались всеми забытыми, а у азербайджанцев всюду защитники и сторонники? Далее старик сказал мне, что некоторые из его адресатов, откликнувшись, пишут ему письма, спрашивают кое-какие подробности, что-то уточняют, и у них завязывается переписка. Словом, мне стало ясно, что старик нащупал канал, позволяющий ему если и не формировать общественное мнение, то влиять на него — безусловно. Я смотрел на этого человека, и мне казалось, что это и не старик сидит передо мной, а дьявол,

изморивший самой наглой ложью не одну душу.

— Ну как, — спросил меня старик, а лицо его в эти минуты было искривлено улыбкой сатаны.

— Не знаю, — ответил я ему, — да только вам пора выходить на международную арену.

Сидеть с ним рядом было противно, и я, сдав журналы, вышел в дождь, спрятавшись через несколько метров в магазине.

Установив режим тотального физического и духовного террора, господа национал-сепаратисты исключили любую возможность политической активности в нежелательном для них направлении. Зато сами творили, что хотели.

И когда из уст Балаяна и прочих ему подобных слышишь какие-то слова о демократии, цивилизации, правах человека и прочих из них, поневоле думаешь, а есть ли предел их цинизму, их лицедейству и фальши.

Но эталоном насмеяния над демократией явились выборы, проведенные в области. О них трезвонила и пресса Армении, и газета «Советский Карабах», и это могла могло бы ввести кое-кого и в заблуждение. А речь идет вот о чем. На последних выборах в Парламент Армении ее Верховным Советом прошлого созыва, как известно, были созданы избирательные округа и в НКАО. Кажется, одиннадцать таких округов. Этот и неправовой, и безнравственный шаг был опротестован Верховным Советом страны, принявшим за подписью М.С.Горбачева специальное решение, объявившее противозаконность подобной акции Верховного Совета Армении. Но власти этой республики в очередной раз «наплевали», другого слова найти не могу, на Верховный Совет страны и создали-таки упомянутые округа. Между прочим, не могу понять одного. Как же там могут, относясь столь пренебрежительно к высшему законодательному органу страны, тем не менее, когда им выгодно, апеллировать к этому же самому органу. Там, по-видимому, руководствуются принципом, по которому «закон, что дышало, как повернул, так и вышло». Что ж, вполне в духе нравов современных иезуитов, для которых все средства хороши, лишь бы дело шло.

Так вот, как они проходили. На крупных предприятиях, в которых компактно пребывает множество людей, они проводились здесь же. Во всех остальных случаях — по месту жительства. В первом случае на предприятие являлись, уполномоченные на то люди и входили в кабинет к директору, куда поочередно вызывались работники отдельных цехов или бригад. Им вручались бюллетени и предлагалось выбрать из двух фамилий одну, зачеркнув другую. Аналогично проходили они по месту жительства, причем здесь зачастую по домам ходил либо

жэковский работник, либо кто-то из соседей, ежели среди них отыскивался активист сепаратистского движения. И тоже — быстро, быстро вычеркни одного, оставь другого. А теперь проанализируем, что же из себя представляли эти воровские выборы. Ну, естественно, никакой предвыборной компании не было и не могло быть, а посему никто и не знал, какова их платформа, за что борются эти кандидаты. Далее, никакой тайны голосования не было, выбор следовало сделать прилюдно, и это не давало возможности, в частности, тому, чтобы вычеркнуть обоих кандидатов. И еще. Как и все, что делалось Балаяном и его компанией, эти выборы тоже могли сойти за блеф и бутафорию. К примеру, абсолютным блефом выглядела и претензия на альтернативность, ибо кандидатов хоть и было двое, не зная, в чем состояло различие их политических позиций, никакого значения не имело, кому из них отдать предпочтение. Единственное, о чем не трудно было догадаться, так это то, что поскольку за них ратуют сепаратисты, то и сами эти кандидаты того же поля ягоды и на одно лицо.

Однако вернемся к вопросу о фидаинах, от которых, нас отвлекали эти два старика. Эти «народные мстители», как однажды высокопарно назвала их подпольная радиостанция «Свободный Арцах», а по сути — террористы и уголовники, состояли из двух больших групп: одна постоянно базировалась на территории Армении, совершая оттуда бандитские набеги, другая — в самой области. Тех, что базировались в Армении, к 1990 году уже и по формальным признакам нельзя было назвать «партизанами», поскольку со временем они успели организоваться в военизированные и, по существу, армейские формирования, а группы, которые просачивались из Армении в НКАО для осуществления своих акций, были либо подразделениями Армянской национальной армии, либо же хоть ей и не подчиненными, но тем не менее в достаточной мере структурализованными боевыми единицами. Собственно в Степанакерт в открытую не совались, и поэтому здесь их трудно было увидеть. Я вспоминаю в этой связи такой вот случай. Однажды, проснувшись спозаранку, я направился в парикмахерскую, решив успеть побриться до работы. Но время оказалось уж очень раннее, и до семи часов, когда открывалась парикмахерская, ждать мне было более получаса. Утро было пасмурное, погода холодноватая, и чтобы меня не продуло, я вжался в проем в стене парикмахерской, покуривая сигарету. Отмечу, что напротив на стене дома висел телефон-автомат. И вот, не успел я простоять и десяти минут, как на мостовой и в полутора-двух метрах от меня останавливаются «Жигули», из

которых выбегает водитель, направляясь к телефону. Говорил он по телефону долго, не менее десяти минут, и пока он говорил, один из тех двух пассажиров, что располагались на заднем сидении, вышел из машины, по-всему, размять ноги. Был он в черном, ниже колен плаще, застегнутом на пуговицы аж до подбородка. Осмотревшись по сторонам и никого не увидя, он расстегнул плащ, сделал три приседания, разомнул спину, сделав наклоны туловища вперед и назад. Словом, это была утренняя гимнастика, и он выделывал все это так ловко, что чувствовалось: такая гимнастика входит в его постоянный утренний моцион. Было ему лет около сорока, среднего роста, крепко сбит. Он продолжал свои упражнения, и когда он сделал поворот туловища вправо, наши глаза встретились. Он смотрел на меня, а я успел обозреть его. Под плащом у него была незнакомая военная форма. Он был весь затянут в ремни, а на плече была видна часть погона. На животе, на его правом боку в кобуре молочного цвета висел пистолет. Он какое-то мгновение смотрел на меня, не отводя взгляда, а потом улыбнулся. Улыбнулся и я, решив, что так будет вернее и от греха подальше. Покрутив еще немного головой и увидев все также бегом возвращавшегося к машине водителя, он кивнул мне головой — пока, мол, — и сел в машину, которая, с ходу рванув, отъехала на большой скорости.

Сначала я не мог понять, как этот человек, пусть и не на долгое время, мог рискнуть в такой форме да при оружии появиться в городе, где запросто можно наскочить на патрули, но потом вспомнил, что на ветровом стекле машины был наклеен пропуск, разрешающий его владельцу ездить всюду. Скорее всего, этот пропуск был ими реквизирован у какой-то государственной машины — на это они были горазды. А вообще-то отряды, базировавшиеся в Армении, делали свои набеги, по-крайней мере в 1990 году, на приграничные районы Азербайджана, хотя отдельные эмиссары просачивались и глубже. Для инструктажа, провоза оружия, обучения обращению с ним. Их ловили, и не редко. Однажды, возвращаясь с работы, я видел, как патруль на машине преследовал убегавший от него «Москвич». На крутом вираже водитель убегавшей машины не справился с управлением, и та на большой скорости врезалась в угол дома и остановилась. Солдаты выволокли из машины двух молодых мужчин, изрядно помятых от удара машины о стену. Вокруг собралась немалая толпа, и может быть поэтому офицер, старший по патрулю, решил тут же на месте обыскать и их, и машину, чтобы продемонстрировать людям, кем были эти двое. Из под сиденья машины были извлечены два автомата — один Калашникова, а другой неизвестной марки.

— «Узи», — прокомментировал офицер, назвав его марку. Обыскав этих людей, солдаты нашли у них и передали офицеру какие-то документы. Просматривая их, он обратился к одному из задержанных: «А, гость из Армении.»

Потом они все уехали, а «Москвич» и до следующего утра с разбитой фарой и помятыми буфером и капотом стоял все на том же месте.

Что же касается тех фидаинов, что базировались в самой области, то к 1990 году уже прошло то время, когда они разбивали на горных склонах многоместные утепленные палатки, откуда и совершали свои набеги. Вертолетная разведка засекала их и туда направлялись войска. Теперь они обитали в селениях, как правило, в тех, что занимали, так сказать, стратегические позиции. Это были горные селения, нависающие над дорогами области, что позволяло им контролировать эти дороги, сохраняя для себя возможность маневра и общения с внешним миром. Весь город, к примеру, знал, что одним из таких центров, где обитали террористы, закамуфлированные под крестьян, было селение Каладараси, контролирующее дорогу на Шушу. Мое первое знакомство со здешними, так сказать, партизанами состоялось чересчур уж буднично. А дело было так. Я сидел у начальника Газового управления, когда кто-то к нему позвонил. Как показали дальнейшие события, звонили ему, видимо, из того самого штаба. Ответив звонящему словами: «Хорошо, непременно сделаю», — он повесил трубку. И обратился ко мне: «Хочешь видеть фидаинов?»

— Да, хочу, — ответил я ему.

— Ну, так они сейчас будут здесь, — сказал он мне. Мы с ним еще успели о чем-то поговорить, как вдруг открылась дверь, и двое молодых людей вошли в кабинет.

— Вы можете идти, — сказал мне начальник. Но уходя, я нарочито долго заправлял стул, чтобы успеть рассмотреть их.

Этим двоим было лет по двадцать пять, роста выше среднего, сухощавые, слегка небритые, но бороды были аккуратно подстрижены. Одеты они были в черные брюки и в черные же кожаные куртки. У начальника они задержались не более двух минут, и как я потом узнал от ребят из гаража, приезжали они за сварочным агрегатом, который им был нужен для сварки труб газопровода, проводимого в какое-то из сел, где они базировались.

Вторая встреча с ними была не менее будничной. Однажды один знакомый позвал меня на обед, но дома у него не было хлеба, и мы с ним направились к хлебной будке. Наказав мне стоять в очереди, он побежал на рынок за зеленью и соленьями. Очередь была большая, и стоять предстояло не менее часа или

около того. В очереди стоял гвалт и шум, кто-то кого-то проталкивал, кто-то кого-то выталкивал, кто-то брался наводить порядок. Но вдруг все умолкло, и в толпе шепотом пронеслось: фидаины, фидаины. Я обернулся и увидел такси, в котором, кроме водителя, на заднем сиденьи было еще двое пассажиров, — молодых мужчин в возрасте примерно том же, что и те, что приезжали за сварочным агрегатом. Один из них вышел из машины, держа в руках небольшой тряпочный мешок. Подойдя к очереди, он бросил этот мешок через головы людей продавцу, показывая пальцами руки, что ему нужно шесть буханок хлеба. Через минуту продавец вынес мешок с хлебом и отдал его мужчине, а тот все также молча сунул ему в карман халата деньги, сел в машину, и они уехали. Интересно заметить, что кто-то в очереди знал их в лицо. Тех, что приезжали в Газовое управление, одна из сотрудниц тоже знала в лицо. В третий раз я встретил их — теперь их было трое — в шашлычной у реки, где я сидел с одним знакомым. Так вот, этот знакомый тоже узнал одного из них. Оказывается, они иногда появлялись на рынке, якобы следя за тем, чтобы продавцы не слишком завышали цены. Такая вот игра в защитников народных интересов. А истинный их род занятий был известен всем: взрывы мостов, кража стада у крестьян из азербайджанских селений, убийства, взятие заложников, а самое главное — нагнетание страха на местное население и слежка за тем, чтобы те, не дай бог, не пошли на контакты со своими соседями и уж тем более на сотрудничество с Оргкомитетом. Взорвав дом и убив ту женщину, что работала в аэропорту, они показали, как далеко могут пойти. Убийцы, да и только. И делали-то они это не по собственному разумению. Они были исполнителями тех планов, тех решений, тех принципов, которые формулировали Зорий Балаян и ему подобные. В этой связи и, конкретно, о карабахской трагедии, хочу порассуждать, читатель, вот на какую тему.

Иногда приходиться читать и слышать, что в основе националистических проявлений лежат экономические соображения, что безысходность и тяготы жизни толкают людей одной национальности на людей другой. Конечно, человека, озлобленного на весь мир и от этого мира уже не ждущего чего-то хорошего, легче поднять на бунт — на бунт любой и не обязательно с националистической окраской. Верю, что во многих регионах страны эти соображения помогли всякого рода нечисти стравить людей. Но поскольку я веду здесь речь не вообще о причинах социальных взрывов, о механизмах их «запуска», а конкретно о Карабахе, то смею утверждать, что для большей части тамошних обывателей не экономические соображения

лежали в основе их противозаконных действий. Конечно, отдельные рецидивы такой мотивации действий и в области имели место, — не без этого. К слову, весь Степанакерт судачил про одну смазливую дамочку, да к тому же замужнюю, которая до известных событий была интимно близка с одним состоятельным азербайджанцем, щедро ее субсидировавшим. Когда начались события, она со страху, боясь разного рода обвинений, стала столь рьяно поносить азербайджанцев, что то ли по этой причине, то ли по причине все той же смазливости, но так пришлась по душе лидерам движения, что они назначили ее распределителем фонда благотворительного общества «Амарас», оказывающего денежную помощь беженцам. И весь город знал, что она так умеючи распределяла этот фонд, что уже скоро не чувствовала потери своего покровителя-азербайджанца. Но эта дамочка, для которой что любовь, что благотворительность — все одно, лишь бы платили, — случай особый, и без оных не обходится ни одна такая ситуация.

Что же касаются проблемы в целом, то смею утверждать, что в карабахских событиях экономические соображения не имели особого значения. Нет, это был натуральный национализм, а экономические факторы привлекались лишь для придания нечестивым требованиям необходимой солидарности. Да и местный обыватель, сколь бы он ни был примитивен, понимал, что никаких таких выгод от присоединения к Армении, то бишь «Миацума», он не получит. Армения, в конце концов, не Южно-Африканская Республика, откуда в Карабах потекут алмазы. Многие жители НКАО не раз бывали в Армении и уже имели понятие о тамошней дороговизне, сложностях жизни. Многие интуитивно чувствовали, что в материальном плане их, попросту говоря, хотят ограбить, но националистический дурман, сгущающийся от ловкой пропаганды всякого рода подлецов, да страх так и не позволили им разумно все взвесить.

Так какова же была расстановка сил в Карабахском кризисе, как можно было бы дифференцировать действующих лиц.

Увы, за мишурой демагогических словоблудий в Карабахе повторился классический вариант любых социальных переворотов буржуазно-националистического толка — собственно, не в Карабахе, в Армении, а Карабах был его продолжением, но не просто неким аппендиксом, а весьма важным элементом. Для меня очень скоро стал ясно, что действуют здесь три силы, три группы лиц.

В первую, самую малочисленную, но и самую могущественную группу входили те весьма и весьма состоятельные лица армянской зарубежной диаспоры, а также

нувориши из самой Армении, которые, имея огромные средства, тем не менее чувствовали себя стесненно в тех социальных условиях, в которых они пребывали и оборачивались. Годами, а по наследству, пожалуй, и веками они лелеяли мечту о «Великой Армении», задающей тон на всем Среднем Востоке, а себя в этой Армении мнили деятелями, кои на равных заседали бы в офисах на Уолл-стрите, Пикадилли и кэ-д'Орсе. Да, это были боссы армянского происхождения, которые жаждали иметь свою собственную цитадель, свое логово, где они могли бы вовсю проявить свою хватку, зная, что наградой им будут не только счета в банках, но и политическая власть. Губернаторство в штате Калифорния, скамья в сенате и в палате представителей американского конгресса им уже были недостаточны. В Америке, во Франции, в Греции эти люди, мнящие себя гениями от бизнеса, при всех своих деньгах, живя землячеством, все-таки чувствовали себя не совсем дома. Им хотелось иметь свое собственное государство, где они могли бы формировать свое правительство и свою политику, благо партии, готовые проводить эту политику, были под рукой. Им нужна была своя Армения, Армения крупных буржуа, Армения с собственной конвертируемой валютой, с собственными экономическими интересами во всех регионах мира, Армения, приумножающая их капиталы. Естественно, союзная социалистическая республика для этой цели не годилась. Но одним преобразованием нынешней Армении в буржуазную республику проблема, увы, не исчерпывалась. Им не нужна была республика, неспособная сама себя прокормить. Еще можно было стерпеть отсутствие богатых минеральных ресурсов, топлива — в Японии их тоже не было, но вот без хлеба, без мяса — нет, такой республике не то, что великой, и средней не стать. А вот Карабахом, могущим стать житницей — дело другое. Иметь республику, которую надо било бы подкармливать — увольте. Благотворительность свою они проявили в дни землетрясения, но пора и честь знать. Не для того им нужны были их соплеменники, чтобы неведомо какой срок подкармливать их. Нет, они нужны были им, чтобы через них создать государство, где бы вся полнота власти принадлежала вновь народившемуся среди армянской нации третьему сословию. Вот почему даже среди развалин и жертв страшного землетрясения они не давали своим одурманенным соплеменникам выплакаться хотя бы в меру христианских обычаев. Сторонним людям было непонятно: как же, еще не остыли трупы, еще из под развалин слышны крики умирающих, а толпы вопят: «Карабах!» «Карабах!» Да потому, что не до убиенных было режиссерам карабахской драмы, ибо этот, человеческий материал, в конце концов, восполняем,

воспроизводим, но без Карабаха не мыслима самостийная Армения — первый, но не последний шаг к Великой Армении. И если землетрясение могло б тому помочь, то они воззвали бы еще к одному такому же землетрясению, лишь бы он состоялся, этот миацум. Маньяки с мошной, набитой долларами, франками и лирой, уже чувствовали себя дарящими министерские портфели, уже склонялись над тем» куда далее двинуться от Карабаха — налево, направо или вперед, ни разу не задумываясь над тем, а сколько же крови при этом прольется? Где читатель, в каких краях, власть таких вот буржуа не на крови утверждалась? Но у этих, армянских буржуа, этой крови пролилось бы гораздо больше, поскольку свою государственность они хотели утверждать на землях чужих стран, по итогам нового передела мира, и что от того, что этот передел пока ограничивался регионом Закавказья. Ах, как в начале шло у них все по нотам. Карабах, эта будущая житница Великой Армении, почти что была у них в руках, и им казалось, что осталась самая малость. А что касается собственно Армении, то главное уже было достигнуто, и уже не товарищами именовали себя парламентарии, а баронами, господами. Да бог с вами, именуйте себя хоть князьями, хоть виконтами, но не лезьте в чужие земли.

Увы, Карабах уже случился и жертвы его тоже состоялись, и хоть звучит это в данном контексте кощунственно, я все же скажу: нет худа без добра, и мне почему-то кажется, а я уверен, что и партия «Дашнакцутюн», и партия «Рамкавар-Азадакан» после провала карабахской авантюры самораспустятся и уж, по-крайней мере, если не распустятся, то выкинут из своей программы тот один из первых пунктов, что провозглашает «воссоздание Армении в ее исторических границах». Кризис в Персидском заливе подтолкнет их к этому, хотя, скажу вам, присоединение Кувейта к Ираку выглядело бы не столь беспардонно, как Карабаха к Армении. Но это уж мое личное мнение.

Вот так, читатель, и я надеюсь, ты понял, кого я отношу к первой группе лиц карабахской драмы. Но этих людей, конечно, не встретишь на митингах, их статьи не прочтешь в газетах, их не услышишь по радио. Они всегда в тени, они полны уважения к собственной персоне и в подобных авантюрах участвуют лишь инкогнито, авансируя средства на их проведение. Они, конечно, рискуют своими деньгами, а не жизнями, да репутацией достопочтенных демократов. Да — и зачем им рисковать, ежели есть на сей счет люди этажом ниже, тех, кого я отношу ко второй группе. Как их обозначить? А вот так. Помнишь, «железный» канцлер Бисмарк говорил своим генералам: «Вы завоюйте мне земли, а я найду юристов, чтобы оправдать ваш захват.» Так вот

эти люди, люди второй группы, и есть те юристы, которые должны были оправдать захват Карабаха. Собственно, если бы этот захват можно было бы осуществить, так сказать, конституционно, спекулируя то фактами исторического порядка, то казуистикой и спекуляцией по поводу прав нации на самоопределение, то проституированием, иного слова не могу найти, на тему «геноцида» армян со стороны азербайджанского народа, то эти люди были бы не только юристами политических интересов армянских зарубежных буржуа и мафиозных дельцов из Армении, но и непосредственными исполнителями. Они для того и были задействованы, чтобы парламентским, прости господи, путем обеспечить бескровную передачу Карабаха от Азербайджана к Армении. Арсенал их средств был весьма широк и я о нем уже отчасти сказал: казуистика, демагогия, политический блеф, спекуляция на любую тему, введение в заблуждение мировой общественности, провокация, информационная диверсия, подстрекательство и подлость. Подлость без меры и стыда, цинизма и фарисейство, иезуитская неразборчивость в средствах. Но ведь этот второй эшелон — второй не только сверху, он второй и снизу, а для того, чтобы боссы из высшего эшелона добились своих целей, нужно было реализовать две задачи — дискредитировать существующие порядки в самой Армении — это во-первых, и, во-вторых, отторгнуть Карабах. Относительно первой задачи речь здесь не идет и я не-о ней. Мы говорим здесь о Карабахе. Так вот, чтобы оттяпать его нужны были силы, и этими силами стал обыватель из Карабаха. Массовый обыватель. Но как его поднять. Разговорами о сладкой жизни дело не сдвинулось бы, ибо жил этот обыватель не хуже, а лучше того, как жил тот же обыватель в Армении. И единственным средством стал национализм, и его душу стали травить этим самым национализмом.

Скажите пожалуйста, когда двести двадцать тысяч армян из Баку просили не раскручивать карабахскую трагедию, почему никто не внял их просьбе, а наоборот, изгнав всех азербайджанцев, отдали их на заклание. А вот о ста двадцати тысячах карабахских армян, будем откровенны, интеллектом существенно уступающим бакинским, проявили заботу. Да все очень просто и в то же время очень зловеще. Смотрите» подлый расчет. Карабахцы — эта карабахская земля, прибрать к рукам которую с помощью тех же карабахских обывателей они и рассчитывали. Оттого-то и отравили его ядом национализма. Азербайджанцев прогнали потому, что готовили закон приватизации земли, а те на земле и жили, и могли скупить эту землю, и стать ее владельцами. Ну нет, крупные латифундисты,

да и просто солидные фермеры из третьего сословия должны были быть своими — из местных, но еще более их армян, живущих землячествами за рубежом. В эту землю они вкладывали бы средства, а азербайджанцы могли бы в этом деле помешать. А что касается армян из Баку, то эти в абсолютном большинстве интернационалисты, что с них возьмешь. Хотя, впрочем, и от них может быть толк. Вот если с азербайджанцами обратиться как можно жестче, да так, чтобы те вспылили и устроили бы в Баку такое же с армянами, вот тогда можно было бы поднять на весь мир такой вой: вот такие азербайджанцы, как же можно карабахцев оставить на их милость. Да и карабахский обыватель, напуганный такими событиями, стал бы еще более рьяно настаивать на отделении от Азербайджана. Господа интеллигенты из второго эшелона своей пропагандой усилят травлю его души, напугают всяческими карами — это они могут.

Будучи в Степанакерте, какую только чушь я не слышал, Например, когда я спросил у одного из сослуживцев, а не подумали ли они о том, каково будет армянам в Баку, так получил такой ответ: «Да? А когда вы ели там, в Баку, колбасу, а мы ее здесь найти месяцами не могли, хорошо было?»

— Послушай, — ответил я ему, да я за твои свежие шашлыки, да за мед любую колбасу бы отдал. Но он уже был настолько оболванен, что и понимать не хотел.

Вот этот обыватель и составлял третью группу, — все обыватели: от бастующих до тех, кто взяв в руки оружие, услужливо доставленное ему из Армении, пошел в горы, став террористом, попросту говоря, уголовником. А чтоб умеючи воевать, к нему на помощь из той же Армении, да из-за рубежа прибыли те, которые в этом уже имели немалый опыт. Конечно, интеллигенты из второго эшелона ружье в руки сами не брали. Их профессия была в другом. Подстрекать — с удовольствием, настроить обывателя к неповиновению властям, пожалуйста, отравить его душу пещерным национализмом, можно, внушить ему ненависть к соседям — для Игоря Мурадяна и Зория Балаяна — проще простого. Словом, если нельзя будет отторгнуть Карабах, с позволения сказать, «демократическим, парламентским» путем, и дело дойдет до бойни, до большой драки, то и тут они берутся подготовить, так сказать, широкие массы обывателей, «идейно» их вооружить, как же — «интеллектуалы». Адвокаты, судьи, публицисты, пропагандисты, развратители, подстрекатели, стратеги, тактики — кто угодно, и все сразу — подстилки для боссов. Однако ж не фидаины, хотя из-за угла могут стрельнуть и сами.

— Ладно, — согласились с ними боссы из первого эшелона,

тем более что и террористы, и ландскнехты, и даже — из числа введенных в заблуждение соплеменников — волонтеры — добровольцы, готовые под выцветшими знаменами пасть за дело миацума, были уже готовы. Боссов из первой группы: дашнакских и рамкаварских лидеров, представителей крупного капитала из зарубежной диаспоры, — таких в НКАО не встретишь, ибо если в этих краях они и бывают, то наскоком, да инкогнито.

Лица из среды объевшейся мафии, дельцов крупного подпольного бизнеса и черного рынка из Армении в области тоже не на виду. Эти, может, наезжают почаще первых, но не менее инкогнито. А в самой области таковых раз-два, и обчелся. Здешние боссы помельче, ибо, как-никак, а областной масштаб не республиканский и уж не международный. Да и зачем им ездить и быть на виду, ежели есть для этого «интеллектуалы» типа З.Балаяна, И.Мурадяна, В.Григорьяна и иже с ними.

Словом, крупных боссов от капитала я не видел, ибо если даже они и наезжали в область, то в шашлычные прилюдно не ходили, на митингах не стояли, лекций не читали. А я в «Астории» не вхож, «У Максима» в Париже не бывал и даже о «Мулен Руж» только и знаю, что любил там бывать несчастный и гениальный Тулуз Лотрек. Но цели их, их чаяния и их касательство к карабахской трагедии, истинными авторами которой они и были, я как мог описал. Другое дело деятели из второй группы: видеть и слышать их приходилось, и кое-кого из них так, как я их себе представляю, я постараюсь описать.

Эти люди — З.Балаян, В.Григорьян, С.Бабаян, М.Мирзоян и прочие из той нечестивой компании, что прилюдно взяла на себя функции лидеров «карабахского движения», — эти и составляли ядро второго эшелона действующих лиц драмы, поскольку на первый не тянули, и более того, этой самой первой и прислуживали.

Пожалуй, наиболее выпукло и, так сказать, в едином образе, в концентрированном виде черты их и политического, и просто человеческого лица выразились в Зорие Балаяне, в вожаке этой компании, характеристики которого с лихвой хватит и для описания прочих из них. Что же касается собственно Зория Балаяна, то для понимания того, что это за человек, мне очень помогла книга «Очаг» — его путевые заметки по Армснии. И хоть с эстетической точки зрения книга никудышная, но вещь забавная — стоит прочесть. Я, по крайней мере, не жалею, ибо те впечатления о нем, которые я вынес из книги, подтвердились, как только я его увидел и услышал.

В моем представлении Зорий Балаян — провинциальный политикан популистского толка, выплеснутый на авансцену

карабахских событий истинными режиссерами этой драмы. Провинциальный? Да, поскольку далее частокола собственного огорода не в состоянии обозреть и кроме как здешними обывателями и чиновниками с их невысокими духовными потребностями, иными бы ему и не верховодить.

Политикан? Да, поскольку все хрестоматийные признаки политикана ему были присущи. Отсутствие взвешенности, неспособность вникнуть в суть событий и спрогнозировать их развитие, беспринципность, ловкачество, жестокость, лебезение перед сильными мира сего и непомерное тщеславие. Сам Зорий Балаян, правда, не ведает разницы между политикой и политиканством. А ведь если первое искусство, и как таковое требует воображения, способности к абстрактному мышлению, отрешенному от сиюминутной суеты, то политиканство — это уже ремесленничество, примитив, когда обходятся подножным кормом, подручными средствами.

Будем справедливы: в редкие минуты он бывает откровенен, и вот в одну из таких минут он признался, что воображение попросту не дано ему богом. Вот послушайте. Все в том же «Очаге» он пишет, что начинающие литераторы часто шлют ему свои новые стихи и просят прорецензировать их. «Зря стараются, — пишет далее он, — поскольку стихов я не приемлю, ибо как можно писать о том, чего сам не видел.»

Бог ты мой, и такой человек занялся политикой. Стихи можно и не любить, но не уметь писать того, чего сам не видел, и браться руководить массами. Ведь имей он хоть толику воображения, может и догадался бы в какую бездну ведет он людей. Да такому человеку и литературой-то заниматься заказано, ибо какой писатель пишет только то, что лично видел. А кто же тогда Жюль Верн, который писал о том, чего вообще никто не видел. Да только ли Жюль Верн?

А что касается Балаяна, то уж лучше писал бы свои очерки, которые из-за гнилого национализма только и могут быть пропущены в известных редакциях. Кстати, от того-то он и не приемлет плюрализма, что лишен всякого воображения, творческого начала. Попробуйте в Степанакерте вслух высказать свое возражение сепаратизму, поспорить подискутировать. Его борзые тут же набросятся на вас. А вот трюкачество, да ловкачество, да скандалы мелочам — это да, это по его части.

Стоило ему в одной из лавок древностей извлечь дореволюционную энциклопедию Брокгауза и Ефрона и не сыскать ней статьи под рубрикой «Азербайджан», так такой он шум поднял на всю округу. Что, мол, коли у Брокгауза и Ефрона нет Азербайджана, то нет такого народа и вообще. Ему говорят,

послушай, есть во всех советских энциклопедиях, есть, наконец, в зарубежных. А он опять — нет, зовите Брокгауза и Ефрона. Да умерли они, ему говорят, а азербайджанский народ, слава богу, живет и здравствует, хочешь ты того, или не хочешь.

Или вот однажды поднял он шум по такому случаю. Вычитал у одного автора, что в название автономной области входит и наименование народа, на ней живущего. Так он приставил нож к горлу этого автора: объяви, мол, раз название НКАО не по тому принцип: образовано, то и все здесь было неправильно. И этот автор представьте, извинился перед ним: дескать ошибся я в этой книге.

Помню, в Степанакерте один из его последователей тоже любил этот вопрос смаковать. Не выдержал я однажды и говорю: подумаешь область; страны и иногда по местности называют. К примеру, Южно-Африканская Республика, Берег, понимаешь, Слоновой Кости, да мало ли. А что касается провинциального чванства, то этого добра у него в избытке. У меня такое впечатление, что «карабахских событий» он ждал всю жизнь, как своего «звездного часа».

Боссы из первого эшелона эту его жилку сразу раскусили, оттого ему и поручили раскручивать события.

Первый раз я увидел его через пару дней, как приехал в Степанакерт. У Горисполкома стояла изрядная толпа, и я, подойдя, спросил: «Случилось что?» Мне сказали: «Ждем Зория Балаяна». Оказывается, там внутри он выступил перед местной знатью. Наконец, где-то через час, он вышел, окруженный свитой. Сколько же самодовольства было в его лице. Он обратился к толпе с краткой, так сказать, речью, определив, как он сам выразился, новую тактику поведения здешнего люда. «Отныне, — сказал он, — приступаем к работе, а бастовать будем по необходимости, о чем вас заблаговременно уведомят. Но никаких контактов с Оргкомитетом. Никаких, слышите?» Дав наказ, он сел со своим окружением в машину и уехал.

Интересная деталь: когда он говорил, на людей он не смотрел — поверх голов. Они его и не интересовали, ибо думал он лишь о том, как выглядит. Трибун, да и только, а ведь то лишь и делал, что выполнял социальный заказ своих боссов. Помните передачу «Далга», в одном из фрагментов которого показано, как из азербайджанской телестудии с ним пытались связаться, когда он вроде бы голодал в гостинице «Москва».

— Я занят, — ответил он, — даю интервью парижскому телевидению. Как это было в его духе: только парижскому, ибо саратовское или там воронежское — не для него.

В здании горисполкома у него была комната приема

посетителей. Бог ты мой, с какой многозначительностью, с какой важностью он вел эти приемы. Помню в один из таких дней и часов его приема я был в Горисполкоме. Посетителей у него не было, и он вышел в коридор, став у дверей. В это время к комнате подошел один старик и заглянул в комнату.

— Заходите, заходите, — предложил ему Балаян.

— Спасибо, — ответил ему старик, — да только дело у меня не к вам, а к Манучарову.

— Какое же это дело, — с удивлением спросил у него Балаян, — чтобы кто-то в области мог вам помочь, а не я?

Он даже задумался, поскольку в эту чушь и сам верил. Когда я смотрел на него, мне часто приходили на память слова Станиславского: «Люби искусство в себе, а не себя в искусстве». Так вот, и Балаян, и ему подобные не народ любили в себе, а себя в народе. Ибо не любви, а просто жалости имей они к этому народу, довели бы его до такой жизни? И беспринципность — эта еще одна черта политикана — сполна была ему свойственна. В своей книге «Очаг», стоя у пограничного заграждения, он восклицает, что вот, мол, там — мир презренного капитализма, а сам он, слава богу, живет в стране социализма.

Не много ж времени понадобилось ему, чтобы заклинать и броситься к миру этого самого презренного капитализма за помощью в неправом деле. В этом, правда, он не одинок — все деятели «карабахского» движения за эти три года каким только принципам не поизменяли. Цинизм, да и только.

Между прочим, раболепство перед сильными мира сего — тоже характерная черта любого политикана и его в частности. И вновь обращаюсь к его путевым заметкам «Очаг». Скольких только секретарей райкомов он ни описывает в этой книг, скольких председателей райисполкомов. И все они необыкновенно талантливы, необыкновенно порядочны — ни одного отрицательного персонажа. А теперь вот пришли новые власти и он служит им. Нагнетать обстановку он — мастер. Помню, однажды начальник Газового управления, придя на работу позже обычного, собрал весь коллектив и, между прочим, всех шоферов тоже чего обычно не делал. Оказывается, не случайно, ибо пришел он из Горисполкома, где с речью перед директорами предприятий выступал Зорий Балаян, предупредивший их, директоров, а те, по его наказу, уже нас, простых смертных, что наступают сложные времена, что надо быть ко всему готовыми, и особенно, шоферам, поскольку машины их могут понадобиться, а посему следует экономить бензин.

Собственно, нагнетание страстей в последнее время было его постоянным занятием. То в газете изложит, как пытались его

арестовать, то выступит в Горисполкоме перед людьми и обрисует картины апокалипсиса, что ждут область, если дать попятную, то предупредить обывателя, что ни в Армении и нигде более нет ему места, и одна только у него альтернатива: либо стоять до конца, либо пасть, ибо ждет его выселение, а уезжать некуда. А посему, заканчивая о Зории Балаяне, и так много чести, скажу, что как и каждый политикан, он еще и жесток. Помните, читатель, когда в Москве в самых высоких инстанциях его предупреждали, что же это вы делаете, ведь столько в Баку армян, а вы травите эти два народа. И он ответил тогда, что пусть о них думают другие, ведь не граждане же они Армении. Тут уж не только цинизм, тут полнейшая неразборчивость в средствах. И поэтому вполне понятно, почему он по-прежнему, нагнетает страсти, ибо, во-первых, и с него самого спросят его боссы — и спросят сурово, а, во-вторых, от него самого-то что останется, кто вспомнит его? Да никто, и в этом он удостоверился в дни своей, так называемой, голодовки. Никто не бросился его умолять, никто слезы не проронил. И понял он тогда, что с окончанием «Карабаха» кончится и его «звездный час». Вот и держится за него. Но люди-то, люди, зачем его не прогонят?

В бытность мою в Степанакерте я встречался с Манучаровым Аркадием. Вообще-то его государственную черную «Волгу» несколько раз и до того встречал на улицах города, но с ним непосредственно встретиться удалось не сразу. А попал я по представлению, полагая устроиться к нему на работу. Но, как оказалось, ему нужен был бухгалтер, а я для этой работы не годился. Так что деловая часть нашей беседы была исчерпана за пять минут. Но просидел я у него не менее часа, и говорили мы с ним все более о карабахских делах.

Он был, конечно, намного солиднее З.Балаяна, а фиглярство и циркачество было ему чуждо, как и провинциальное чванство. В нем, директоре комбината промстройматериалов, чувствовалась хватка, размах, деловая жилка. Вниманием толпы, по всему, он был уже избалован, пользовался в кругу национал-сепаратистов особым уважением, или лучше сказать, почтением, и не случайно именно его избрали предстателем первого же противозаконного органа — «Комитета за воссоединение НКАО с Армянской ССР», как и общества «Крунк». Когда, после освобождения из под ареста, Манучаров вернулся в область, все только и говорили о нем как о президенте «Арцах», существующей в каких-то сумасбродных прожектах.

Кабинет его был огромен — с министерский, мебель для здешних кабинетов — изысканная, а стены были сплошь усеяны грамотами да благодарностями, застойных времен, надо

полагать. На его рабочем столе в тот вечер лежала солидная стопка газет самого разного толка и из самых разных республик. В разговоре со мной он был откровенен, и как я понял, это потому, что чураться да остерегаться кого-либо в области он не привык. Небрежно, и даже с какой-то брезгливостью он отозвался о местных лидерах. К примеру, от него я узнал, что именно в те дни в США находился председатель Горисполкома Мирзоян М.

— Представить трудно, — удрученно и с некоторой обидой сказал он, что такого недоросля как Мирзоян, они командировали в США.

Он несколько раз дал понять, что здешних лидеров и за деятелей-то не считает, поскольку все они мельтешат и ни на что не годятся. Порассуждал он немного и о положении в Армении, неодобрительно высказавшись о русофобстве тамошнего парламента, отметив, что свое это мнение он не скрывал и там. Не хочу быть категоричным, ибо трудно от одной беседы вынести законченное представление о человеке, и все же мнение свое выскажу: это был сноб, а его национализм, который и ему, конечно, был в полной мере присущ, существенно отличался от национализма примитивного обывателя, пробавлявшегося легендами на исторические темы, да и обидой на отсутствие колбасы, отнимаемой азербайджанцами. Нет, его национализм был на уровне боссов из первого эшелона, а честолюбивые помыслы существенного выше любых балаяновских разумений.

Мне и до сих пор кажется, что в своих розовых мечтах он видел себя губернатором провинции «Арцах» самостийной республики Армении, участвующим в принятии самых важных государственных решений. Снобизм его, пусть и отдаленно, был в чем-то сродни снобизму арабских шейхов, которым неуютно в собственных владениях и которые только и думают, как бы сбежать в европейские столицы. Но это ощущение у меня возникало всегда параллельно и заодно с ощущением того, что этот человек уже где-то понимает иллюзорность подобных надежд, уже сломлен, а упорствует в своих заблуждениях, поскольку ему еще мерещатся какие-то неясные перспективы, которые могут вдруг открыться от едва ли не вселенских катаклизмов. Собственно, он и не скрывал этого, и когда спросил его, как он думает, могу ли я пригласить сюда и жену, он мне ответил, что пока этого делать не надо, ибо в стране сейчас так творится, что никто ничего предсказать не может. «Через год, — добавил он, — думаю, многое прояснится.»

Когда мы встали, и он шел, слегка сгорбившись и тяжело, почти по-стариковски шагая, я подумал, а ведь и его погубили тщеславные замыслы, как на дрожжах взошедшие на химерах

национализма вперемешку с манией величия, а значит, по большому счету, и он политикан, да только не опускающийся до балаяновских «голодовок» и прочих спекуляций да кривляний.

Видел я в Степанакерте и некоторых других из числа здешних лидеров, да прав Манучаров — эти уж совсем не интересны. Однако о чем не могу не сказать хоть несколько слов, так это о тех впечатлениях, которые сложились у меня про здешнее, не знаю уж и как сказать, общество, что ли, тех, кто образует местную «знать». Это — горисполкомовские руководящие работники, директора крупных предприятий, некоторые деятели культуры, преподаватели пединститута. Боже мой, что это было за «общество». Кто бы хорошо их описал, так это Салтыков-Щедрин, или может Гоголь. Вообще-то, неподражаемые типы для пера искусного сатирика.

Начитавшись националистических бредней о великих традициях культуры, об арийском происхождении и прочей чуши, эти господа поверили в то, что они и впрямь — «белая кость», «голубая кровь», «соль земли» — словом, благородное общество. А были-то всего лишь мещанами с гипертрофированным самомнением, выдававшим в них заурядного провинциала, гордого уже одним только тем, что когда-то и где-то пожимали руки заезжим господам и дамам из столицы, а бывало даже, — радость-то какая! — из заморских стран. Но эти господа были опасны тем, что это их трудами и усердием реализовывались на местах балаяновские, григорьяновские и прочих сепаратистов затеи.

Однажды я видел целую компанию лиц из этого «общества», так сказать скопом, когда должны были вернуться в Степанакерт З.Балаян и В.Григорьян, после неудавшейся голодовки. Вернулся, однако один Григорьян. Его ожидали у здания Горисполкома, у своего штаба. По случаю принаряженные и искоса поглядывающие друг на друга кто и как одет, кто и как выглядит. Я стоял метрах в пяти от них смотрел на эту компанию и вспомнил один старый румынский фильм названия которого не помню. Был этот фильм про одного молодого человеку, астронома и поэта и про его неудавшийся роман с заезжей сумасбродкой. Но эти господа напомнили мне другой мотив этого фильма, а именно вот какой. Жил этот молодой астроном и поэт в одном «Провинциальном городе, и был в этом городе вокзал. Простой люд на вокзал допускался только днем, поскольку по вечерам, когда мимо вокзала, не останавливаясь, мчался на всех парах поезд на Париж, здесь прогуливалось «общество». Сплошь прогнившие в грехах, эти люди мнили из себя представителей благородных и достопочтенных семейств города. И не было у них

большей радости, как помахать рукой заглядевшемуся в окно купе пассажиру, коего мчавшийся поезд увозил в Париж. В такую минуту они уносили в мечтах вослед поезду в этот город и были горды собой. Вот и эти люди, чинно расцеловывавшиеся с В.Григорьяном, мне напоминали тех людей, ибо насквозь прогнив в грехе национализма, да только ли в нем, мнили себя «сливками» этого города, и были столь же довольны собой. Неужто это их имел в виду Франгулян из «Советского Карабаха», всуе поминая «соль земли». В петровской Табели о рангах они не годны были бы и в коллежские асессора.

Ну, да ладно, о них все, ибо не могу удержаться и не рассказать с здешней газете «Советский Карабах». Когда говорят о лидерах «карабахского движения» из числа местных жителей, то называют имена Манучарова, Григорьяна, Балаяна и прочих из печально известного ряда. Это, конечно, верно, но по моим представлениям этот список будет оставаться неполным до тех пор, пока в него не введут причем на одну из первых позиций, редактора здешнего официоза газеты «Советский Карабах». Не знаю, так ли теперь она называется ибо в пору моего пребывания в НКАО было много разговоров, затеянных самой же редакцией, о необходимости ее переименования в «Арцах», не знаю, той же она осталась по духу, но в ту пору большего провокатора,большего злодея по части разжигания националистических страстей, чем эта газета, и прежде всего се главный редактор Максим Осипян, трудно было себе представить. Это была единственная газета в области, и хочешь — не хочешь, но если желаешь быть в курсе местных новостей, только ее и читай. Как у единственного печатного органа, возможности газеты в плане охвата населения области — от ее главного города до глухих-деревень, в плане формирования умонастроения людей, — были огромны. Но как она использовала эти возможности? Вот на этом я хочу немного остановиться, тем более, что с газетой этой у меня связан и один забавный случай. Но сначала о самой газете. Скажу сразу: тот махровый национализм, который она проповедовала, на негативное развитие ситуации в области сказался больше, чем даже деятельность иных лидеров из того самого списка. Таково, по крайней мере, мое убеждение, а я только им здесь и руководствуюсь. Сам главный редактор Максим Осипян в газете выступал довольно часто под рубрикой «От редактора», и это были, пожалуй, самые подстрекательские публикации. Приведу примеры. В области, как известно, функционирует Республиканский оргкомитет, созданный для нормализации здесь обстановки. Но располагался он в Степанакерте, а для того, чтобы работа была действенной, Оргкомитет следовало бы приблизить к

людям. С этой целью в Гадруте и Аскеране были созданы своеобразные отделения Оргкомитета. Но когда такой же решили создать и в городе нашлись люди, которые подняли определенную часть населения на ноги, и буквально одичавшая толпа не впустила в здание, где размещался районный комитет партии, товарищей из Оргкомитета и они вернулись. И тут же в газете появляется за подписью главного редактора заметка, смысл которой, если выбросить о шелуху, сводился к ехидному подтруниванию над жителями Гадрута и Аскерана, дескать есть ли у них настоящие мужчины, и что не грех бы их жителям поучиться стойкости у тех же мардаксртцев. Глядишь, мол, тогда и они смогут избавиться от представителей республики. Или такой вот факт. Уже во всю творили в области свои злодеяния всякого рода националистические формирования, от рук террористов гибли люди, но об этом в газете ни одной осуждающей строки нельзя было прочесть. Однако стоило местному азербайджанскому населению что-либо предпринять в свою защиту, как тут же газета, и прежде всего ее главный редактор, начинали их так чернить, так поносить, представлять такими злодеями, наводить на обывателя такие страхи, внушать к ним такую ненависть, что у этого самого обывателя сжимались кулаки. А именно этого и добивалась газета. Удивительно, как не упускала она, казалось бы на самом, что называется, ровном месте проповедовать воинствующий национализм. Скажем, пишет некий корреспондент об одной крестьянской семье, в которой девять детей. Понятное дело, содержать девять детей не легко, и газета, якобы в заботе о детях, выдает уже от себя, то-есть от редакции, такой вот пассаж: «Местные органы должны помочь родителям детей, поскольку растят они семерых воинов Арцаха.» Видите как: не семерых хлебопашцев, строителей, поэтов — нет, семерых воинов. Далеко смотрит Максим Осипян! Страсть газеты — периодические компании. Но какие это были компании, бог ты мой! То вдруг под лозунгом: догоним и перегоним азербайджанцев по рождаемости, то вернем всех уроженцев Арцаха со всего мира в родные края, то запасемся хлебом на трудные времена, а то вдруг и такие: встретим хлеб-солью соплеменников-инопланетян.

О пропаганде национального чванства и национальной нетерпимости я уж не говорю — такой являлась едва ли не каждая публикация, и я за весь срок моего пребывания там, а я не пропустил в те дни ни одного номера газеты, не прочел хотя бы одной малюсенькой заметки о том, что хватит остервенения, что этим двум народам самою судьбой предназначено дружить, ибо они — соседи.

Такие, как Зорий Балаян и вся его нечестивая компания были постоянными авторами газеты, а надо ли говорить, на что они горазды писать.

Говорят, журналистика — вторая древнейшая профессия. Но ведь в любом ранжире вторая и первая позиции стоят настолько рядом, что не мудрено, когда они в чем-то схожи. Однако когда я читал публикации газеты «Советский Карабах», у меня возникала зачастую такая вот мысль: а ведь, судя по принципам морали, казуистика, что в ходу в редакции, тамошние журналисты, по всему забыли, что вторая древнейшая профессия — это все-таки не первая.

С Максимом Осипяном однажды, в самом начале моего приезда в Степанакерт, у меня состоялась весьма короткая встреча, организовать которую я попросил одного знакомого. А встретился я потому, чтобы предложить газете материал вот по какой теме. Карабах, как известно — это благодатный край, который по своим географическим, климатическим и прочим особенностям и при наличии соответствующей материальной базы мог бы стать центром туризма и отдыха не только всесоюзного, но и мирового масштаба. В этом он очень схож с Андоррой — горным анклавом в Пиренеях между Испанией и Францией. В Андорре также культивируются животноводство, садоводство и огородничество, а из промышленности там представлены отрасли по переработке сельскохозяйственной продукции, да еще промыслы по обслуживанию туристов. При численности населения, кстати, тоже полиэтнического, в сто тысяч человек, Андорра ежегодно принимает до 25 миллионов иностранных туристов, которые только французской валюты оставляют здесь за год до шести миллиардов франков. И вот имея ввиду все это, я подготовил статью о том, что если Армения действительно пребывает в заботе о карабахцах, то не лучше ли ей на паях с Азербайджаном строить здесь совместные предприятия сервиса, содействуя таким образом, созданию мощной индустрии отдыха, лечения и туризма. Сюда могли бы, рассуждал я в этой статье, приезжать и зарубежные армянские толстосумы со всех стран, оставлять валюту, а для местных жителей появились бы новые рабочие места. Одновременно Азербайджан и Армения могли бы снимать с этих предприятий не малую прибыль пропорционально авансированному капиталу. Тем более, что страна идет к рынку и это открывает большие возможности. Я полагал, что если газета поддержит, то я бы с удовольствием принял бы участие в подготовке необходимых материалов. Но две минуты разговора с главным редактором меня убедили, что здесь сейчас думают не о совместных с

Азербайджаном предприятиях, а о явном грабеже. Мы ушли, а я так и не сказал о цели своего визита. А теперь расскажу о том курьезном случае, что связан у меня с газетой.

Когда прежний директор Газового управления уходил на пенсию, он устроил в перерыв в своем оставляемом кабинете нечто вроде званного обеда, куда пригласил управленческий аппарат. Присутствовало человек десять. Ему преподнесли приличествующий сему случаю подарок, сотрудники вспоминали, что называется, минувшие дни, а я, как человек новый и дни эти с ними не деливший, молчал. Но тут виновник торжества обратился ко мне, мол не хочешь ли ты что-нибудь сказать. Было неловко не отреагировать, и я ответил, что обязательно скажу. Я вынул ручку, взял лист бумаги и написал небольшое стихотворение о том, что хоть Вы и выходите на пенсию, но Вы еще бодры, крепки как эти горы, и что в вашей жизни будет еще не мало радостей. Написав, я передал ему этот листок. Стихи он прочел вслух, они ему как-будто понравились, потому что он тут же вызвал машинистку, дал ей напечатать, а меня даже попросил их подписать. Подписать я подписал и на этом, как говориться, поставил точку. Но не тут-то было. Как оказалось, когда он отмечал это событие своей жизни в кругу семьи, родственников и знакомых, он вспомнил о стихотворении и прочел его им. Оно, к моему прискорбью, понравилось и присутствующему там работнику отдела науки, культуры и образования газеты «Советский Карабах». Порасспросив хозяина дома о том, кто написал эти стихи, и узнав, что я — бакинец, этот самый журналист на следующий день позвонил хозяевам той квартиры, где я жил, и оставив свой телефон, попросил передать мне, что он очень хотел бы меня видеть или хотя бы по телефону переговорить. Но к тому времени об этой газете я уже имел свое представление, и не ходить, ни звонить не стал. Дня через два тот снова позвонил и снова просил о нашей встрече. При этом он уточнил, что очень хотел бы, чтобы я написал стихи, хотя на худой конец сойдет и проза о Баку, о происшедших там событиях и что чем обличительной будет материал, тем лучше. А еще дня через два ко мне подошел уже незнакомец. Представившись внештатным корреспондентом газеты, спросил меня, такой-то ли я, назвав мое имя. Я ответил ему утвердительно, и тогда он завел разговор, как оказалось, на все ту же тему про Баку,

Он мне сказал, что если я постараюсь, то мне обещают напечатать этот материал и в ереванской прессе, и бог его знает еще где, а возможности, как он уточнил, у них большие. О возможностях этих док по части информационной истерии, информационного скандала, по-моему, известно было уже всей

стране, и я легко представил себе, что напиши я материал погуще, постервозней, поразнузданней, да к тому же в рифму, реклама такому материалу, да и мне самому, была бы обеспечена. Но я молчал. И он, когда молчание мое стало затягиваться, многозначительно добавил: «Ты подумай и взвесь». И я подумал, и когда только представил себе, что кто-то в Баку, сделай я что-либо подобное, может придти к моей жене и сказать ей: «А ведь твой-то — настоящая дрянь», — то ужаснулся. А взвесив, как посоветовал мне тот незнакомец, понял, что легче уж повеситься, чем допустить такое. Ну, да это к слову. Но и от того назойливого корреспондента надо было как-то отвязываться. И я стал думать, что бы им можно было бы написать такое, чтобы потрафить их вкусам. И тут я вспомнил, что через неделю день рождения Пушкина, — а Пушкин не может не выручить. Стал думать дальше, и припомнил еще вот что: есть в его повести «Путешествие в Арзрум», построенной на путевых заметках, описание того, как однажды, проголодавшись, он подошел к одной старой армянке, объяснился с ней знаками, и она вынесла ему крынку молока и крестьянского хлеба. «Напишу-ка, — рассуждал я, — что, мол, вот как повезло старой армянке встретить на военных дорогах великого поэта и накормить его. А еще, — продолжал я рассуждать, — добавлю туда, что был и какой-то армянин, который поступил с Александром Сергеевичем дурно, уведя у неге цыганку, о чем поэт написал стихи, в которой есть и такая строка: «Неверную деву лобзал армянин», а стихи эти нынче поставлен на музыку, и о том безымянном армянине знает весь свет.»

Идея эта мне очень понравилась: «Ну, еще бы, армянские страницы биографии великого поэта. Вечером того же дня я в один присест написал заметку, утром следующего дня попросил нашу машинистку напечатать текст, который объемом оказался в не полных четыре машинописных листа, и часа в четыре, оказавшись в комнате один, позвонил по тому самому телефону, который оставил для меня корреспондент. Трубку взяла некая сотрудница, сказала, что его нет и не будет еще пару дней, поскольку он уехал в один из районных центров НКАО по заданию редакции, что за него сейчас она и готова меня выслушать. Я представился и сказал, что хочу предложить газете материал.

— На какую тему? — спросила она меня, и тогда я быстренько прочел ей эти три с половиной странички. Читал я их с пафосом, поскольку, признаюсь, текст мне самому нравился и может быть оттого, что Пушкину я уже с детских лет не равнодушен. Но только я кончил читать, как услышал в трубку:

«Причем тут Пушкин?» Вот если бы связали его имя с Арцахом, с нашим движением, вот тогда другое дело». Она говорила еще о чем-то, преподав мне урок актуальной журналистики и поясняя мне, чего ждут в газете от авторов материалов.

— Честь имею, — попрощался я с ней, как когда-то прощался Александр Сергеевич, и повесил трубку. На этом мое так и не начавшееся сотрудничество с газетой было завершено и мне уж более не звонили. И последнее о газете. Верю, что лезу не в свое дело, но я все никак не могу понять, почему Оргкомитет, Военная комендатура, в конце концов, республиканские власти, видя эту разнузданную пропаганду идей сепаратизма, не прикрыли газету, не разогнали ее журналистов во главе с Максимом Осипяном, которые и впрямь перепутали вторую древнейшую профессию с первой.

Да, конечно, есть закон о свободе печати, но ведь и в этом законе сказано, что нельзя превращать прессу в средство пропаганды национальной розни, разжигания националистических страстей.

А вообще-то, журналистская казуистика и впрямь может быть: беспредельна и вот тому пример. Сравнительно недавно слушал я как-то вечером передачу радиостанции «Свобода-Свободная Европа» из Мюнхена. То была трансляция из Еревана мнения Иосифа Вердияна, корреспондента газеты «Советская культура» по Армении, относительно начала США и их союзниками военных действий против Ирака. Вердиян говорил довольно пространно, и говорил о том, что вот мол, был он как-то в Ираке, всюду видел портреты и бюсты Саддама Хуссейна и что последний был настоящим диктатором, а потому и правильно поступили США, послав в Персидский Залив свои войска против Ирака. По всему чувствовалось, что таким объяснением был удивлен даже работник радиостанции «Свобода-Свободная Европа», принимавший по телефону текст выступления Вердияна. Да и как было не удивиться, если даже ООН санкционировала эту военную акцию только и только из-за намерения Хуссейна присоединить Кувейт к Ираку, а Вердиян умудрился об этом ни сказать ни слова. А как ему было сказать, имея в собственном глазу такое бревно, как Карабах. А ведь коли на то пошло, у Хуссейна на такой аншлюс было больше оснований, чем у Армении на Карабах.

Один народ, один язык. да и в истории были времена, когда обе страны были едины. К тому же не лез он во владения третьих стран.

Да, было у кого учиться казуистике журналистам из «Советского Карабаха».

Говоря о националистической пропаганде, нельзя обойти молчанием и областное радио. Точки городского радиоузла были задействованы повсюду: на предприятиях, в парках, домах. В Газовом управлении радио было в каждой комнате и я регулярно его слушал. Три четверти времени область транслировала передачи из Еревана, а четверть — вела свои собственные. И все те материалы, которые касались «Карабахского» вопроса, — все, до одной, были на уровне публикаций газеты «Советский Карабах». Но особой зловредностью отличались передачи подпольной радиостанции «Свободный Арцах». Да, была и такая. По воровски, однако, по моему не без помощи работников местного радиоузла, она вклинивалась в городскую радиосеть и вещала около сорока пяти минут в обеденный перерыв, иногда, правда, смещая время передач.

Ее постоянными темами были разнузданная клевета в адрес народа и правительства Азербайджана, Оргкомитета и командования войск МВД, дислоцированных в области. Об эстетическом уровне передач можете судить хотя бы потому, что в комнате, где присутствовали женщины, мне было неловко слушать. Сплошная ругань, сальные анекдоты, да тупые притчи. Что касается содержательного уровня, то либо те, кто готовил материалы были крайне невежественны и глупы, либо слушателей они принимали за таковых. Верхом остроумия этого радио являлись загадки, к которым авторы передач явно были неравнодушны. Помню, лошадиный восторг у определенной части обывателей вызвала такая вот загадка: как называется операция, которую надо совершить над русским солдатом, чтобы его можно было бы принять в азербайджанскую милицию.

Под ржанье разгадывали ее целые сутки. Но, слава богу, вещала она не более двух месяцев: ее засекли и прикрыли.

Еще одним пропагандистским средством являлись листовки, появлявшиеся каждые десять-пятнадцать дней и расклеиваемые на самых людных местах. Если что в них и удивляло, то это разнообразие их авторства. Это были то общество «Миацум», то «Союз женщин Арцаха», то «Студенческий союз», то еще какие-то. Делалось это для того, чтобы обывателям внушить о многообразии организаций, оппозиционных официальным властям. С помощью листовок подбрасываемых в казармы, в места расположения войск, велась антиармейская пропаганда.

К средствам подобного назначения необходимо отнести и магнитофонные записи песен определенного, националистического содержания. Они звучали в шашлычных, в кафе, в барах. Музыка этих песен являла собой своеобразное попурри из маршев и гусанских (ашугских) напевов. По тематике

это были песни о мужественных защитниках Арцаха, о не менее мужественных фидаинах прошлого, о коварстве врагов. Отмечу, что некоторые из низ отличались напевностью, простотой восприятия, запоминающейся рифмой стихов, отчего хорошо знающий армянский язык, прослушав их несколько раз, мог повторить и наизусть. Были люди, которые на этом специализировались, распевая эти песни на разного рода торжествах, на похоронах.

Однажды утром, идя на работу, я встретил двух мальчиков, шедших в школу и в полголоса напевавших одну из таких песен. Я полюбопытствовал, что это они так стараются, проверяя друг друга на память. Оказалось, что мальчики эти были из школьного хора, который на утреннике, назначенном на тот же день, должен был именно эту песню и исполнить. Уж коль скоро речь зашла об этих мальчиках, скажу следующее. Помните, я уже писал о том, как проявляя заботу о семи младенцах и подростках, газета «Советский Карабах» предрекала их в будущих воинов Арцаха. Далеко смотрела газета. Так вот об этом «далеко» я хочу чуть-чуть порассуждать. Я имею на это право, ибо пламя «Карабахского» пожара обожгло и меня. Время необратимо и мы уже не сможем прокрутить дни Карабахской трагедии вспять, как и воскресить всех ее жертв. Пусть пухом будет им земля, поскольку многие из них были безвинными жертвами тех, кто замыслил новый передел мира, тех, кого кроме как подонками я и назвать не берусь.

Итак, трагедия свершилась. И сегодня нам остается лишь уповать, чтобы она из факта действительности стала фактом истории. И это будет — рано или поздно, что «У черного дня конец не долог», и хотя три года срок не малый, но конец этот должен придти. Будем надеяться, что четвертый год этой трагедии — последний. И вот представьте, что этот конец пришел. И я спрашиваю, спрашиваю себя и всех тех, по ком по возрасту не долог час, как зазвонит колокол: сможем ли мы, отходя в мир иной, быть уверены, что «Карабахская трагедия», а в более общем плане — междуусобицы, не повторяться и для грядущих поколений. Увы, я не уверен. Судите сами. Читая прессу, слушая радио и телевидение Армении, знакомясь с идеями, которые всеми пропагандистскими средствами вживляются в сознание ее граждан, приходишь к мнению, что такие понятия, как советский народ, интернационализм, единство интересов и чаяний всех наций, населяющих страну, нынче в этой республике отнесены к химерам коммунизма. Место им, разве что на свалке политических добродетелей, на мировоззренческих задворках.

Но зато все больше сторонников и последователей

приобретают здесь идеи, проповедуемые партиями Дашнакцутюн и Рамкавар-Азадакан, создавшими в Ереване филиалы своих штаб-квартир. Эти партии из своих программ не делают секрета и я, к примеру, ознакомился с ними по прессе.

Так вот, в программах обеих партий едва ли не основной целью объявляется восстановление Армении в ее исторических границах.

Да только где эти границы? И какие периоды истории брать? Не знаю.

Но что имеют в виду эти две партии, — догадаться не трудно, если судить по трем картам, что ныне в изобилии печатаются в каких-то типографиях. Они висят не только в Армении, они и в Степанакерте висят повсюду: в шашлычных, кафе, в игротеках — везде. Обозначены эти карты в одном из двух вариантов: Армения в таком-то веке или Закавказье в таком-то веке.

И если это и есть те границы, в каковых хотят восстановить Армению, то я вполне однозначно могу сказать, что по крайней мере народы Закавказья ждут страшные времена. Я ни в коем разе не хочу нагнетать страсти, но я видел карту, в которой не меньше половины Азербайджана было отнесено к Армении, и если кто-то сейчас возьмется перекраивать границы по этой карте, то следует ждать событий, перед которыми Карабахские — прогулка в Булонский лес.

А ведь есть люди, которые еще носятся с подобными прожектами И не для этих ли целей газета «Советский Карабах» рекомендовало читателям тех семерых мальчиков как будущих воинов. Да только ли эта газета. Не могу в этой связи не сказать и о следующем. Нынче в Армении в унисон с антикоммунистической историей и комсомол, пионерская организация по сути прекратили всякую работу с молодежью. Но ведь не даром говорят: свято место пусто не бывает. И теперь в республике все большее развитие получают скаутские организации. Есть и бойскаутские — для подростков и юношей, есть и гёрлскаутские — для девушек. Однажды в газете я прочел довольно обстоятельный репортаж о том, как проводят время скауты, чему их учат, о чем рассказывают. У них свой устав, своя форма, и все на манер тех скаутских организаций, что существуют при зарубежных армянских общинах, а ведь те находятся под влиянием партии Дашнакцутюн. Так вот читая тот самый репортаж, у меня возникало ощущение, что это по сути ДОСААФ, этакие кадетские корпус на общественных началах. А потом подумал: все правильно, ибо если есть у Армении своя армия, то кто-то же должен готовить им достойный резерв. Кто-то мне может сказать: «Это внутреннее дело Армении, и нечего тебе

об этом судить». Ну, нет, и я повторюсь: «Карабах» опалил так многих, исковеркав и мою собственную жизнь, что нельзя уж молчать. Хватит армянским национал-реваншистам в своей тяжбе с историей каждому поколению подбрасывать свой «Карабах». А что касается армии, то ведь это не жандармский корпус, создаваемый для внутреннего потребления, а армия, острие которой всегда направлено во вне. И видите как: в республике Армения не хватает средств на восстановление разрушенного землетрясением, а на армию, на министерство обороны и прочие аксессуары милитаризации общества — нашлись. И армия эта, как и министр обороны не бутафорные, хотя и не столь могущественные. И например, как рассказывали товарищи из Оргкомитета, в одном из десантов в бывший Шаумяновский (сельский) район участвовал и сам этот министр. Так что министр действует.

И может ли тот же Азербайджан быть в спокойствии, зная, что сосед ее вооружен, претендует на ее земли. Не может, тем более, что и политика этого соседа весьма двусмысленная. В Степанакерте в газете «Республика Армения» я прочел как-то репортаж о выступлении в парламенте Тер-Петросяна, в котором утверждалось буквально следующее: «Наша политика должна быть осторожной и строится на учете ошибок оппонентов.» Кто подразумевался под оппонентами, тут не столь и важно, ибо о многом шла речь в этом выступлении. Важен сам принцип: строить политику на ошибках других. Это резало слух не только с этической, но и с эстетической точек зрения. «Уж не лучше ли, — думал я — чем подкарауливать ошибки других, не делать их самому».

И уж совсем это принцип аморален, когда, дело имеешь с соседом ибо строя с ним отношения, надо руководствоваться не только тем что политика — это честная политика, свободная от цинизма, лжи, от зигзагов и шараханий в попытках любыми средствами достичь своих целей. И хоть об этом я скажу позже и подробней, все же отмечу, что к каким только средствам не прибегалось в попытке оттягать Карабах: От русофильства к русофобству, от «Ленин, Партия, Горбачев» к антикоммунизму, от традиционно антитурецкой ориентации к попыткам мезальянса с Турцией.

«Цель оправдывает средства» — этот принцип Игнатия Лойолы, этот иезуитский подход издревле разоблачен как нечистоплотный, и стоит ли к нему прибегать, когда строишь свои отношения с вековым соседом. И никто, ни Америка, ни Европарламент не может быть заменой добрым, дружеским отношениям с этим соседом. А ведь такие попытки, игра в

лицемерие продолжаются.

Выступая 13 февраля сего года по радиостанции «Голос Америки руководитель ее армянской секции на весь мир на русском языке вещал, что Карабахское движение никогда не предусматривало отторжение земель от Азербайджана, а требовало лишь улучшения жизни карабахских армян.

Его бы устами да мед пить. Если бы дело обстояло так. Но не тот ли самый Манучаров на заседании Верховного Совета страны говорил, что денежными подачками нас не сломить. Да что Манучаров. Передо мной лежит листовка, подобранная мною в Степанакерте. И хоть подписана она неким обществом «Миацум», но продашнакским духом разит от нее на километр. Послушайте же, о чем она, эта листовка.

В ней призывается добиваться от ООН и прочих международных организаций отнесения Азербайджана к разряду колониальных держав.

Можно ли было придумать большую чушь? Я, признаться, до этой листовки был большего мнения если не о душе, то хоть о коварстве авторов подобных писаний. Это ж ведь надо: разделенный, три года терзаемый национал-сепаратистами Азербайджан, и вдруг — колониальная держава. Но читаем дальше. А дальше в листовке расписывается о том, чего добилась партия «Дашнакцутюн» в деле поддержки мировой общественности притязаний Армении на Карабах. Оказывается, это на ее счет надо отнести и резолюцию Европарламента, и письмо группы сенаторов США, и протесты правительства ряда введенных в заблуждение стран. Есть в листовке и упрек в адрес Армянского общенационального движения и правительства Армении из-за их, видите ли, недостаточной активности, а ведь куда еще более. Но как примечательно завершается этот по своему программный документ: Карабах стоит любых политических амбиций.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

Однажды Генрих Наваррский уже сказал: «Париж стоит мессы» Но если трагедия Варфоломеевской ночи одну только ночь и длилась то трагедия Карабаха, которой согласно идеологам партии «Дашнакцутюн» стоит любых политических амбиций, длится уже четвертый год. Последний ли год?

Но почему тогда, может спросить читатель, тот самый руководитель армянской секции «Голос Америки», секции, в которой всегда были сильные продашнакские позиции, вдруг открещивается от территориальных притязаний? Да потому, что состоялся кризис в Персидском заливе, и сейчас никто не

поддерживает уже авторов карабахской авантюры. А что касается заботы об армянах Карабаха — это чистейшей воды ложь, и если все случившееся не убедило, то приведу еще и следующее соображение. Скажите, что это вдруг Армения воспылала такой заботой об армянах Карабаха, которых и всего то чуть более ста тысяч, и столь хладнокровно и цинично отвергло коллективное письмо-просьбу почти двухсот пятидесяти бакинских армян, не нагнетать отношений с Азербайджаном?

Да только к чему все эти слова, ибо у тех господ, что и до сих пор алчно взирают на Карабахские земли мания национального величия изъела последние остатки сочувствия и сострадания к человеку. И не к морали их, не к их порядочности я взываю, а к здравому смыслу — он-то хоть должен у них быть. А если есть, то должны понять, что ни министерство Обороны, а министерство регионального сотрудничества, ни армейские корпуса, и корпус мира сегодня крайне нужны Армении. И прежде всего для установления крепких и добрых отношений со своим самым близким соседом — Азербайджаном, с которым у него так много общего — и исторически, и в музыке, и в обычаях, и даже, если хотите, этнически. Ведь одни и те же завоеватели их покоряли, и каждый из них оставил свою толику «генов и крови». Оттого-то, по-видимому, иногда так трудно их отличить чисто внешне. А смешанные браки! Сколько их в одном только Карабахе, сколько их было, да и сейчас есть, в том же Баку и сколько детей растет в этих браках. Да убоятся ли хоть бога те, что нагнетают «Карабахскую» драму. Или их вера тоже лицемерна.

И последнее. Однажды бывший первый секретарь Гумбаридзе сказав, что Закавказье должно стать общим домом для всех народов, живущих на его земле. Прекрасная мысль, но именно представители Армянского общенационального движения отвергли ее, хотя Армения, казалось бы, первой должна была ухватиться за нее. Первой, потому что она более всего от этого выиграла бы, и еще потому, что вклад ее, взнос в этот дом был бы самым скромным. Но это ничего, ибо в Армении так много любят сейчас кичиться умом и талантом своего народа, то вот пожалуйста, отличная была бы возможность восполнить скромный этот вклад созидательным началом. Было бы желание. В Армении очень любят трезвонить на весь мир, жалуясь на якобы какие-то козни Азербайджана: то на транспортную блокаду, то на ограничения в поставках газа, то еще что-то.

Здесь по-видимому, забыли рожденное эпохой высокого возрождения «золотое правило» этики отношений: будь добр к другим, если ждешь от них добра к себе, не давай другим того, чего не желаешь себе.

И я каждый раз, слыша от иных лиц в Армении упреки в адрес Азербайджана, поражаюсь и думаю: да как язык-то у них поворачивается, да как могут они к чему-то взывать, если успели за три года совершить по отношению к нему столько зла, столько подлости и столько коварства.

Вот такие мысли рождались у меня от всего виденного в Карабахе. От фактов и лиц. Гете как-то сказал, что под каждым могильным камнем — всемирная история. Да, каждый человек — это целый мир, мир любви и страданий, надежд и разочарований, мир больших и малых страстей.

И сколько же таких миров исковеркала, перечеркнула трагедия Карабаха. Ужаснутся ли ее авторы.

Антикоммунизм, русофобия, заповеди

Однажды давно мне пришла на ум мысль о том, как правильно распорядилась природа, поместив в семицветье радуги — среди красного, оранжевого, желтого, зеленого, голубого, синего и фиолетового цветов — на его левом фланге именно красный цвет. Мысль эту я вспомнил сейчас потому, что нынешние, с позволения сказать, демократы те, что мечтают о реставрации в стране капитализма, обычно называют коммунистов правыми, а себя — левыми. Нет, господа, на левом фланге радуги природа сама поместила цвет, и тут уже ничего не поделаешь. Так что, перебирайтесь-ка, господа, на свои места. И еще я думаю сейчас о том, что не случайно и отсутствует в спектре радуги коричневый цвет, ибо не то что с ним, но и с его оттенками не может сосуществовать красный цвет. Не может, как не могут сосуществовать идеалы коммунизма с идеологией национализма, всегда проявляющей непреодолимое влечение ко всему коричневому. Все это к слову, к тому, что накопилось у меня в душе, и требует быть высказанным. А за ним — к существу дела.

В партию я вступил в 1972 году, поступал в имени 26 бакинских комиссаров районном комитете города Баку, вроде бы в последствии исправно исполнял все партийные поручения, в том числе оплату взносов. Но когда, после известных событий, я уехал из Баку, платить их было некуда, поскольку нигде на учете не состоял. Но перебравшись в Степанакерт и устроившись на работу в Газовой управление области, я уже через неделю подумал о том. что пора мне как-то устраивать и свои партийные дела. Но сему поводу я подошел к секретарю партбюро управления, которая (а секретарем была женщина) сказала, что вопросами снятия с учета и взятия на учет ведает нынче учетный отдел горкома партии, куда мне и следует обратиться. Я так и поступил, и уже на следующий деть сидел перед заведующим учетного сектора Горкома партии неким молодым человеком, если мне память не изменяет, по имени Варган. Он принял от меня партбилет, выписал из него некоторые данные, которые необходимы были ему для направления запроса в Баку, и покончив с делами, он разговорился со мной. Он рассказал мне о том, что партийная организация области считает себя уже выбывшей из состава компартии Азербайджана и посему поводу обратилась в ЦК КПСС с тем, чтобы ей позволили на правах

самостоятельного члена находиться в непосредственном подчинении Центрального комитета. Однако как с досадой добавил он, был получен отказ. Но они, упорствуя в своем желании не быть подведомственными ЦК Компартии Азербайджана, подготовили и направили документы на предмет того, чтобы областную парторганизацию переподчинили ЦК Компартии Армении. И теперь вот ждут официального ответа, хотя, уже окончательно упавшим голосом добавил он, до них дошли вести, что отказано им и в этом тоже.

«Ну, какая же Вам разница, — спросил я его, а он уже, по-видимому, и не понимающий всю нелепость и чудовищность своих слов, ответил мне: Это почему же я, армянин, буду проходить по ведомству партийной организации Азербайджана?» «Так ведь отказали же вам, — что же, прикрыть партийную организацию области,» — вскричал я. «Не будет иного выхода, — ответил он мне, — и прикроем, хотя есть тут у нас один вариант. Подумываем о том, а не переименовываться ли нам в Социалистическую партию НКАО на платформе КПСС. Вот и окажемся автоматически вне компартии Азербайджана.»

Бредовая изощренность националистически извращенного ума и впрямь может сразить любого. Я взял у него свой партбилет, тот листок бумаги, куда он выписал обо мне кое-какие сведения, и ушел. Шел и думал о том, что членом такой вот партийной организации я конечно же, никогда не пожелаю быть и не буду, а партбилет оставлю при себе как память о том прошлом, с которым сегодня оборвалась еще одна связь, но которая нетленно в душе моей до последних моих дней...

А что касается коммунистов; то присутствие их в общественной жизни области уже и не ощущалось. Да и как иначе, если и Обком, и Горком превратились в логово национализма, а партийные руководители, и прежде всего бывший первый секретарь Обкома, стали подпевалами сепаратизма. Подпевал, ясное дело, не уважают, и с падением их авторитета, падал и сокращался, как шагреневая кожа, авторитет и самой партии. Многие из нее выходили, другие, формально не выйдя, и год и два не платили взносы, а третьи, и тоге хуже, выйдя из партии, вступали в организации, ничего общего не имеющие с партией или даже ей противостоящей. В городе, к примеру, муссировались слухи о создании здесь отделения армянского общенационального движения, а однажды один случайный попутчик, изрядно нагрузившись, никак не мог вынуть из какой-то потайного кармана членский билет партии Дашнакцутюн, к которой, как он бахвалялся, принадлежал.

Национализм, а тем более национализм воинствующий, не

может скатиться к позиции антикоммунизма, что в конце концов случилось «карабахским движением». Причем отношение собственно к партии, к ее лидерам сепаратистских кругов области характерно было весьма интересной коллизией, о которой я и хотел бы немного, с тобой вместе читатель, порассуждать. Как известно, движение за отделение НКАО от Азербайджана началось в 1988 году, хотя в в скрытой форме, но весьма активно подготовка к открытому выступлению шла еще раньше. Уже в 1986, а более интенсивно в 1987 годах в области стали появляться листовки подстрекательского содержания, причем оперативное, так сказать, руководство этой грязной работы осуществлял Игорь Мурадян, бывший житель НКАО, перебравшийся затем в Ереван. Выбор времени, конечно же, был не случаен, — в стране перестройка, началась по инициативе партии и возглавил ее Генеральный Секретарь ЦК КПСС. Демократизация как принцип руководствования при принятии решений воле изъявлением народа, гласность, плюрализм — все эти составляющие перестройки националистическим кругам в Армении, в НКАО представлялись как факторы, действующие в пользу того, чтобы именно в эту пору начать свое выступление. Эти круги рассуждали примерно так:

Что ж, посмотрим, найдется ли кто, чтобы противостоять нам: ведь тогда мы скажем, а где же ваша перестройка.

Расчет был циничный, но до цинизма ли было людям, если он сулил им, как им представлялось, не малые дивиденды. Я слушал по радио, как председатель Горисполкома Степанакерта Мирзоян М., будучи в США и ведя беседу с одним из ведущих армянской секции «Голоса Америки», в гневе вопрошал: — Уре перестройкан, уре демократиян, уре гласность? (Где перестройка, где демократия, где гласность? (арм.)) Он, конечно, не спросил, а где законность, где международное соглашение о незыблемости послевоенных границ, где конституция страны?

Не спросил, потому что знал: этим здесь и не пахнет. Вот почему нельзя не сказать и о том, что на совести инициаторов «карабахского движения» лежит значительная доля, дискредитировавших перестройку процессов. Но разве успех демократизации общества когда-либо беспокоил их? Нет, на демократизацию они смотрели как на неотразимое средство достижения своих нечестивых целей, и поскольку начата она была партией, лидеры сепаратизма объявили себя рьяными сторонниками и партии, и Генерального Секретаря ЦК. Выведенная на площадь толпа во всю мощь своих голосовых связок рифмовала:

Ленин, партия, Горбачев,
Сталин, Берия, Лигачев,

намекая на то, что мол, в лице этой толпы людей, а еще более тех, кто спрятался за их спинами, партия и Горбачев имеют своих самых верных сторонников. Но, видимо, не только цинизм, а и полнейшая беспринципность являются чертами характера людей, схожих с теми, кто затеял «Карабах». И стоило партии, стоило Горбачеву отказать в поддержке неправого дела, как приверженность партии, Ленину, Горбачеву сменилась в их душах на рьяный антикоммунизм, а статьи в газетах и журналах, контролируемых сепаратистами, их вдохновителями в Армении, запестрели самыми нелестными эпитетами в адрес Горбачева и Ленина. Особенно усердствовали газеты «Советский Карабах» и «Коммунист», как ни странно являющиеся органами — одна Обкома, а другая ЦК Компартии Армении. Усердствовали радио и телевидение Армении. Усиленно распространялся тезис о том, мол, все беды Армении от большевиков, свершивших Октябрьскую революцию, поскольку не будь ее, не смог бы Ленин объявить о выходе России из окопов мировой войны, и Россия продолжала бы войну, в том числе и на Южном фронте, против Турции, а победив в знак благодарности за волонтеров-армян, сбежавшихся в ее рядах, одарила бы Армению завоеванными у той землями. А на этих землях и была бы создана «Великая Армения». Поругивали партию и за решение Кавказского бюро ЦК Российской коммунистической партии (большевиков) об оставлении Карабаха у Азербайджана, и за договора подписанные Лениным с соседними странами после завершения Первой Мировой войны, и бог еще знает за что. И как жаль, что ни в области, ни в самой Армении не прозвучал тогда во всю мощь голос коммунистов, защитивших честь и доброе имя партии. Антикоммунизм набирал обороты, и партия сдавала одну позицию за другой. Увы, антикоммунистическая, антипартийная вакханалия продолжается, а под ее шумок не прекращаются попытки растащить державу на куски. И поскольку делать ставку на партию уже не было резона, сепаратисты стали искать иные пути. Решив, что в случае развала страны им легче будет добиться своих целей, и прекрасно понимая, что державу эту скрепляет Россия, лидеры «карабахского движения», не забывая об антикоммунизме, подключили к своей игре и карту русофобства. Во всю мощь загремели голоса о том, что СССР — это все та же Российская империя, что Россия неоднократно предавала Армению и еще многое другое на подобный манер. Помню, как

один работник Газового управления, филер, промышлявший, как говорили знающие люди, медом сомнительного качества, человек необыкновенно прижимистый и таких же масштабов недалекий, пересказывал группе стоявших вокруг него людей где-то вычитанную чушь о том, что Россия мол, обменяла с каким-то соседом какие-то земли Армении на Крым. Но особенно много подобных разговоров пошло гулять после интервью Тер-Петросяна, бывшего председателя комитета «Карабах», данного им впервые после избрания его главой нового парламента Армении. Оно было напечатано во многих изданиях, и в том числе в газете «Советский Карабах». Тер-Петросян, полиглот со знанием десяти языков, как рекомендовали его «Московские новости», заявил буквально следующее: «Нам семьдесят лет внушали, что Армения не просуществует без России, а мы теперь освобождаемся от этого комплекса.»

К России стали относиться как к предавшему другу, а русофобство, после этого интервью возросло до нешуточных масштабов. Люди в спешном порядке стали менять русские имена на армянские, в газетах появились статьи и заметки, третирующие русскоязычных армян, а комитет народного образования издал распоряжение, запрещающее прием детей армянской национальности в школы с русским языком обучения. Распоряжение это было проштамповано в Управлении народного образования области, что привело к массовому закрытию русских школ и учреждений, дошкольного воспитания. Сотни учителей, ведущих занятия на русском языке, а так же русскоязычных воспитательниц, были выброшены на улицу, а когда взбунтовались — нет не они, а родители, резонно заметив, что в какую школу отправлять детей — их личное дело, и принятие подобного закона нарушает права личности, выше которых и не бывает прав, то в одной из газет этих родителей назвали «рабами». В продолжение этой политики и забыв уроки прошлого, спешно подготавливались петиции к парламентариям стран Запада с просьбой о содействии в «карабахском» вопросе, а лидеры «движения» зачастили в эти страны с жалобой на предвзятость России.

Грустно было наблюдать за всей этой возней, грустно еще и потому, что мало-мальски осведомленный в вопросах истории человек должен был бы знать, что не будь России, не будь побед русской армии, прошедших под руководством генерала Паскевича трудными дорогами Первой русско-турецкой войны, то не было бы и сегодняшней Армении. Такова правда истории, но и она была брошена в жертву русофобству.

Добавлю к сказанному как еще один штрих и то, что

депутаты нового парламента Армении как-то все сразу разучились не то чтоб говорить, но и понимать на русском, и если редкий из них, смущаясь, все же выступит на русском языке, то речь его синхронно переводилась на армянский, словно был это уже не язык межнационального общения в нашей стране, а по меньшей мере — английский. Кстати, об английском. Сокращая и почти изгнав русский язык из употребления, открывали школы на английском, а на перекрестках дорог устанавливали указатели на этом же языке. И когда я видел, как в подражание сему, на улицах Степанакерта исчезают надписи на азербайджанском и русском, и уже кое-где появляются на английском, мне становилось даже не грустно, а чуть-чуть весело, словно наблюдал я за повадками то ли мольеровского мещанина во дворянстве, то ли калькуттского нувориша в обществе чопорных английских аристократов. Еще бы — знай наших. Однако я все же не был бы до конца объективен, ежели б не сказал и того, что в самое последнее время русофобство, кажется стало приглушаться, и что за это следует благодарить все ту же вездесущую мадам Старовойтову — эту и впрямь, находку для деятелей « карабахского движения». И потому, что эта с позволения сказать, правозащитница, выступая в российском парламенте, заявила, что перекройка границ между республиками, возможна, а что касается Карабаха, то и желательна. И к сожалению, такой демократический кульбит председателем российского парламента не был отвергнут с порога. Этого оказалось достаточным и архитекторы карабахской драмы вновь обратились к России. Я слышал радио, в передаче «Голоса Америки» от 3 февраля, как Паруйр Айрикян — член Верховного Совета Армении и давний враг социалистического строя, в своем интервью корреспонденту названного «Голоса Америки», не двусмысленно отвергая союзный договор и всякую возможность улучшения отношений с Азербайджаном, весьма благожелательно отозвался о Союзе с Россией. Он назвал такой Союз даже спасительным для Армении, имея в виду, по-видимому, и «Карабах».

Что ж, кульбит и впрямь невероятный, и остается лишь предположить, что и антикоммунизм националистов — «борцов за Карабах» может вновь смениться на симпатии к коммунистам, если вдруг окажется, что верность Уставу и Программе партии у многих из них будет на том же уровне, какой продемонстрировал бывший секретарь обкома Погосян Г. Но вот в это-то и не хочется верить. А что касается быстрых и неожиданных смен симпатий и антипатий, свойственных сепаратистам, то тут уж ничего не поделаешь, ибо действуют они, по всему, на тот же манер, что и один давно уже покойный государственный деятель Англии,

однажды цинично заявивший, что у Англии в Европе нет друзей, а лишь одни интересы.

Бог им судья! Кстати, о боге. Бывая многократно до этих событий в области, знаясь с некоторыми из ее обитателей довольно близко, я никогда не замечал у здешнего обывателя особого религиозного рвения — да, пожалуй, никакого, ибо не помню, что бы хоть однажды разговор заходил на эту тему. Нынче, однако, ситуация резко изменилась, и это сразу же мне бросилось в глаза. К примеру, кресты на шее носят сейчас многие и прежде всего молодой люд, включая школьников, чад детсадовского и даже ясельного возраста. Правда, то ношение, как это делается у иных молодых людей, выставляющих на показ со вкусом и изящно изготовленные золотые крестики с золотой же цепочкой, кокетливо висящие нарочито чуть в бок, свидетельствовало о том, что у изрядной доли здешних юношей и девушек это еще модное увлечение. Искренне ли их верование? Худо то, что церковь иногда завуалированно, иногда впрямую, использовалась для пропаганды национализма, национальной исключительности армян и даже как мне представилось, оправдания претензий Армении на Карабахские земли. Еще будучи в Баку, я помнится, читал в публикациях азербайджанских историков, что многие культовые сооружения, оставшиеся со времен древности и средневековья, являются памятниками архитектуры кавказских албан, населявших эти места и внесших свою струю в этногенез азербайджанского народа.

Однако об албанском народе в средствах массовой информации здесь нельзя было прочесть ни слова, хотя религиозная, а тем более историческая тематика в них не обходилась, а последняя — и широко была представлена. Правда, в специальной литературе, то, что являлась плодом исследований по вопросам истории края, нет-нет, да и проскальзывало об этом кое-что. Но только проскальзывало, а общим рефреном всех их было утверждение, что албаны ушли из этих мест задолго до появления здесь армян, и памятники их культуры, включая культовые сооружения, основательно утеряны для исторической науки. Но даже это, как я уже сказал, вычитать можно было только в специальной литературе и рядовой обыватель всего этого не знал, а знал лишь то, что печатали массовые издания, передавало радио, да еще, по-видимому, преподносилось с амвона. Так вот, об амвоне, то есть о самой церкви. Армянская апостольская церковь, или как ее еще называют, — грегорианская, является одной из автокефальных ветвей христианства. В истории армянского народа она действительно играла не малую роль, чему содействовало и то, что сразу же с ее принятием она стала

официально государственной церковью, чем она и отличается, к примеру, от римско-католической церкви, поскольку христианство в Риме преследовалось и изгонялось долгие годы. Нынче же, в пору перестройки, религия в Армении, впрочем, как и в целом по стране, получила еще большее развитие, что нашло свое отражение в открытии новых монастырей, церквей, часовен. Своеобразным появлением активизации миссионерской деятельности Армянской апостольской церкви стало и создание в области ее новой епархии — Арцахской во главе со священнослужителем в чине епископа, коим был молодой еще мужчина по имени, если я его правильно произношу, Партев. Центром его проповедческой деятельности был старинный монастырь, расположенный в одном из районов НКАО и спешно восстановленный. Сам я в монастыре не был, но в Степанакерте я обитался в двух шагах от дома, в котором жил епископ, и поэтому часто видел его в черной и длинной до ботинок сутане. Создание в НКАО епархии для удовлетворения религиозных треб верующих может быть и можно понять, — но многое и настораживало, ибо возникало ощущение, что вся эта деятельность уж слишком укладывается в общую политику Армении по, так сказать, освоению области. Во-первых, почему епархия называется Арцахской, а не Нагорно-Карабахской, если в официальной топонимике, принятой в Азербайджане, такого наименования нет. Во-вторых, даже сейчас, в условиях максимальной либерализации политики государства по отношению к религии любой конфессии, утверждение новой епархии, тем более подведомственной церкви другой республики, должно соответствующим образом регистрироваться, чего, как я узнал, сделано не было.

А между тем, деятельность епархии расширялась, в газетах можно было прочесть о восстановлении церквей и часовен, а службы, особенно по религиозным праздникам, как мне рассказывали те, кто бывал на них, проходили со всей большой торжественностью и при все большем стечении народа, становился рядовым явлением крещения детей. Правда, помню, как одна пожилая женщина, уже бабушка, рассказывала, как происходило это в случае с ее внуком. В школе назначили родительское собрание, на котором она и присутствовала, и когда все родители собрались в классе, вошла одна шумная, активная женщина, и не спрося на то согласия каждого, заявила, что в ближайшие дни детей поведут на крещение, и что поэтому родителям надлежит завтра же внести деньги на крестики, а у кого их нет, то пусть поднимет руки, и тогда это сделает за них некое благотворительное общество. И как сказала эта женщина, коммунист с большим стажем, возразить что-либо она оробела,

ибо все совершалось с таким напором и с такой безапелляционностью, что вызвать на себя гнев этой женщины и некоторых родителей, выступивших в поддержку сей акции, у нее не хватило смелости. Но и это было не главное. В конце концов, епископ для того и послан был в область, чтобы расширять паству и утверждать там вероучение своей церкви, и не мне, а иерархам этой церкви судить о том, как он это делает. Смущало другое, а именно то, что я ни разу не прочел в здешней прессе хотя бы одного его обращения к мирянам с призывом к согласию со своими давними соседями, к прекращению братоубийственной вражды, не прочел напоминания людям о том, что «не убить» — важнейшая заповедь христианства, что Христос призывал молиться даже за своих врагов, что религии, любой ее конфессии — и христианству, и магометанству, любой, чужда национальная нетерпимость. В христианском вероучении, в проповедях Христа и отцов церкви важнейшим мотивом является смирение, а величайшим грехом — гордыня в любой ее форме. А здесь на обывателя обрушивалась лавина призывов гордиться. Гордиться всем армянским и уже одним тем, что ты — армянин. Не забыть мне одной статьи в газете «Советский Карабах», автор которой, некий Франгулян, называл армян «Солью земли». И иной обыватель, прельщенный сладостными речами, начинал верить в свою исключительность, и чем глупее и примитивней он был, тем больше в то верил. И гордость такого человека все более скатывалась в гордыню, в национальное чванство, и он начисто забывал, что есть не только слова гордость, но и стыд. И кому же, как не христианскому епископу, следовало бы напомнить ему об этом, но я следил за всеми его выступлениями, однако ни разу ничего подобного не встретил. Вот тогда-то, после одного пространного интервью, которое дал газете епископ Партев, я и написал стихи две строфы из которой хочу предложить твоему вниманию читатель:

Стыд и за то, что малым детям,
Спалили душу злым огнем,
Что переврали все столетья,
Гордыню черкая в былом?

Национальная гордыня
Химер, иллюзии, чванства смесь.
Когда ж в сердцах иных остынет
Былых царей былая спесь.

Но ни спесь и ни гордыня не остывали, потому, что совсем к

иному призывали обывателя. К примеру, в том самом интервью епископ призывал держаться до конца за армянский Арцах, хотя прекрасно знал, что ведет это к еще большей крови, к жертвам. Не могу в этой связи удержаться и не сказать о еще одном примере того, как библейские мотивы использовались для пропаганды идеи об исключительности армян. В одной из газет я вычитал заметку, автор которой предлагал провести среди армян сбор средств на строительство скульптурного комплекса, изображающего библейского Ноя и его ковчег, который, согласно ветхозаветной легенде, опустился на гору Арарат, когда наконец-то всемирный потоп прекратился и вода стала уходить. Автор довольно прозрачно намекал тем самым, на древность армянского народа, берущего, якобы, свое начало от ветхозаветного Ноя, а я вспоминал тысячу и тысячу людей, лишенных всякого крова над головой, и думал, в таком ли строительстве нуждается этот народ. Но уж такова, видимо, логика национализма.

Любая религия, в основе которой лежит монотеизм, то есть вера в единого бога, всегда боролась с язычеством, и боролась даже более рьяно, чем с безверием. А между тем, христианская догматика здесь удивительным образом уживалась с примитивным язычеством, с мистикой, всякого рода предсказаниями, астрологией, гаданием, хиромантией, знахарством и прочим подобным бредом. И это понятно, ибо люди здесь были уже изрядно психически подавлены и истощены, измотаны ожиданием грядущего, в котором им рисовались картины апокалипсического ужаса, потоков крови, массовых убийств. Психические расстройства здесь были рядовым явлением, а прессинг страха, внушаемый им идеологами «карабахского движения», молодчиками из националистических формирований, все нарастал и нарастал.

Годовалый сынишка одних моих хороших знакомых приболел от того, что в ранку его попала инфекция, и они, вместо того, чтобы интенсивно его лечить антибиотиками, регулярно водили его к какой-то женщине, якобы могущей излечивать одним прикосновением руки. Но это еще рядовое явление.

Однажды я сильно простыл и уже думал было, что прихватил воспаление легких. Я отпросился с работы, чтобы пойти в поликлинику, и один сослуживец дал мне фамилию врача, посоветовав к нему на прием и попасть. Я так и сделал. Врачом этим оказалась молодая женщина приятной наружности. Она послушала, сказав, что я лишь сильно простыл, что мне надо с неделю полежать, принять кое-какие процедуры и попить лекарства, рецепты которых она мне тотчас выписала

Чувствовалось, что дело свое она не плохо знает, и я слушал ее советы о том, какие лекарства и как принимать. Мы разговорились с ней, сейчас уж и не помню о чем, но как и все здесь разговоры мало-помалу он свелся к делам текущим, к положению в области. Разговор наш протекал спокойно, без особых эмоций, порой даже с юмором, но это продолжалось лишь до тех пор, пока она не уловила в каких-то моих словах признаки неверия в успех всей этой нечестивой карабахской затеи.

Бог ты мой, какая в ней произошла метаморфоза.

— А я верю, — чуть ли не вскричала она, вся как-то передернулась, поведя то правым, то левым плечом.

— Во что же вы верите? — только и успел я ее спросить; как она все тем же кричащим голосом прервала меня, бросив передо мной какую-то газету:

— В нее!

Я взглянул на газету и в ней оказалась заметка, в которой говорилось, что на околице какой-то деревни под Степанакертом перед группой крестьян появилась, якобы, какая-то молодая красивая женщина вся в белом, и на чистейшем карабахском наречии армянского языка сказала, чтоб они не падали духом, и что в самую отчаянную минуту она придет к ним во главе своего войска, по-видимому, как намекала газета, ангелов, и дарует им победу. Поручив этим крестьянам донести сию благую весть до окрестных сел, эта женщина исчезла столь же неожиданно как и появилась. Я кончил читать заметку, и взглянул на врача: лицо ее пылало жаром, а глаза горели огнем.

— Послушайте, — сказал я ей, — вы врач, грамотный человек, как вы можете верить в подобную чушь?

— Уходите, — не дав договорить мне, закричала она, — уходите, я не хочу вас слушать.

На глазах ее мне почудились слезы, и я, взяв рецепты, немедля удалился.

Я шел-и думал: «А ведь эта миловидная женщина — врач больна сама, больна психическим расстройством, и неужели и за это тоже никто не ответит, ни Зорий Балаян, ни Аркадий Манучаров, ни иже с ними.» Вообще летающие тарелки, с населявшими их то людьми, то какими-то существами, появлялись здесь чуть ли не ежедневно, а газета «Советский Карабах» оповещала об этом обывателя с самым серьезным тоном. Но летающие тарелки — только один из распространенных здесь мифов. А были и другие. Иные из них были втиснуты в псевдонаучную оболочку, и тем становилось более опасным, поскольку благодаря сему они приобретали некоторое подобие правды, и обыватель верит им с большим пылом. Мифы эти,

конечно же распространялись с умыслом, так сказать, для укрепления духа, и вот об одном душеукрепляющем мифе я и хочу рассказать. Рожден он был не знаю когда, но в начале 1990 года, когда я приехал в Степанакерт, о нем очень много говорили и многие, чувствовалось, в него верили. Это был миф о чудодейственном оружии, и рассказывалось, что якобы, один довольно известный старый армянский академик заявил следующее:

— Я отдал 60 лет своего труда государству, и теперь вот не пожалею 6 минут для служения на благо арцахского народа.

Далее уточнялось, что он имел в виду какие-то особые лучи, способные испепелять все на своем пути, и при этом называлась фамилия этого академика, чего, однако, я здесь делать не буду, поскольку к рождению этого мифа он, быть может никакого отношения и не имел. Шло время, и миф этот хоть и жил, но лучи все не появлялись и я часто задавал вопрос тем, кто так рьяно о них мне рассказывал, в чем дело, где лучи-то. Но со временем все большая часть от разговора уходила, и чувствовалось, что многие и в этот миф уже потеряли или теряют веру. Правда, нашелся один, который ответил мне, что все в порядке, лучи уже созданы, но чтобы обезопасить от них народ Арцаха, некие ученые разрабатывают особую микстуру, выпив которую человек может не бояться воздействия этих лучей. Выслушав его, я уже подумывал было, что рождается новый миф, но, признаюсь, мне лично об этом дополнении слышать более не приходилось.

Порой мифы рождались больным воображением психически нездоровых людей. Однажды я шел по улице и увидел толпу человек в десять, в центре которой стоял довольно респектабельный мужчина. Человек этот, как оказалось, рассказывал о том, что он работает над созданием чудодейственного экстракта из тыквы, и что одного грамма этого экстракта будет вполне достаточно, чтобы уморить целый город. Но время уже было другое, люди его слушали рассеянно, а один заметил, что тыкву он вообще-то любит, но нигде ее не может достать, и что ему интересно, не подскажет ли тот, откуда он ее берет для своих экспериментов. Этим он вызвал у людей веселый смех, и они стали расходиться. Потом я еще раза два видел этого «химика», и каждый раз он рассказывал толпе все о том же синтезируемом им экстракте, а еще через несколько дней узнал, что он сошел с ума. Вот так.

Надо сказать, что со временем на смену бодрящих дух обывателя мифов все чаще приходила эсхатология, или различного рода предсказания о конце света. Ссылались то на Библию, то на Евангелие, в которых якобы, именно наше время и

указано как время крушения мира, для пущей правдоподобности приводились предсказания Калиостро и еще бог знает кого из туманного прошлого. В большом ходу были гороскопы, гадания на картах, какие-то руководства по разгадыванию тайного смысла сновидений. Правда, этими последними все больше увлекались женщины, а что касается мужчин, то легко бросалось в глаза их повальное увлечение пьянством, да еще азартными играми. Я видел молодых людей и взрослых мужчин, играющих под деньги в карты, нарды, шахматы — иногда под большие деньги, и зная некоторых из них по прошлым приездам в этот город, был уверен, что только тот психический стресс, в который вверила их карабахская авантюра, виной их морального разложения. Я знал этот город и раньше, и помнил, что его обитатели могли веселиться, любили соленую шутку, предпочитали в выходные дни выезжать за город на родники целыми семьями и на целые дни. Мужчинам особенно было по душе ездить на тот большой родник в гроте, что располагался в предгорьи, вблизи от въезда в Шушу, и где всегда была слышна берущая за душу восточная музыка.

Увы, всего этого уже не было. Душу здешнего обывателя спалили национализмом, а чтобы накал страстей не ослабевал, гремели взрывы, ночную тишину прорезали автоматные очереди, текла кровь, а насильственная смерть стала здесь рядовым явлением.

Участились инфаркты, у женщин, во множестве, случались преждевременные роды, иные теряли разум, а на гамлетовский вопрос: быть или не быть в нем покою уже никто не мог ответить.

А я все чаще задавался вопросом, неужто и впрямь не наступит возмездие для тех, кто виноват во всей этой трагедии.

Эпилог

Контакты местного населения с Республиканским Оргкомитетом по НКАО являлись, пожалуй, наибольшим грехом в глазах здешних национал-сепаратистов. И чтобы грех этот никого не попутал было организовано едва ли не круглосуточное наблюдение за зданием бывшего Обкома, где и размещался Оргкомитет.

Наблюдение велось из редакции газеты «Советский Карабах», окна которого выходили на это здание, и не было минуты, чтобы у тех окон кто-то не стоял, дежуря, словно на часах.

Да еще на площади черед зданием прохаживались какие-то типы, простреливая его глазами.

Жители города особенно побаивались подходить к зданию, после следующего происшествия. Однажды в Оргкомитет приехала группа товарищей из Баку, у одного из которых жил здесь старый приятель. Приехавший товарищ позвонил этому приятелю и пригласил его к себе в Оргкомитет. И приятель пошел. А когда он ушел от него, то по дороге домой его избили, да так, чтобы другим было неповадно. Хорошо еще, что не убили.

— Как же я мог не пойти, ведь старый приятель, — пытался он объяснить этим извергам, да разве объяснишь им, что есть и такие понятия.

Но пожив в этом городе, понаблюдав за всем происходящим, я понял, что мне надо попасть в Оргкомитет. Но как? Каждый день, по дороге на работу и возвращаясь в нее, я шел через площадь, и видел, что по-прежнему за зданием следят из редакции и с площади.

Но ведь недаром говорят, что на ловца и зверь бежит. Случай помог и мне. В Газовом управлении на одной из машин был установлен передвижной радиопередатчик, используемый для оперативного оповещения ремонтных служб о случившихся на газопроводах авариях. Так вот однажды, не знаю уж по какой причине, патруль остановил эту машину, и обнаружив передатчик, реквизировал его. А водителю сказали, что вернуть его могут только по прямому распоряжению коменданта города генерала Сафонова, для чего по сему поводу необходимо обратиться к нему с письмом. Обо всем этом до срока я понятия не имел.

Письмо составили скоро, но отнести его в Оргкомитет никто не брался. И вот тогда одна из сотрудниц предложила это сделать мне. Не буду сейчас распространяться на этот счет, почему она вдруг вспомнило обе мне, но для меня это была удача.

Помню, когда я с письмом направился в Оргкомитет, один из сослуживцев, с которым я успел сдружиться, все останавливал меня, заклиная не делать этого.

— Знаешь, — сказал я ему, — никто здесь по мне плакать не будет. Так что, если уж кому и идти, то мне.

И я пошел. Встретился с генералом Сафоновым, поговорил с ним. Он оказался любезнейшим человеком, а по внешним параметрам таким, из которых когда-то только и набирались лейбгвардии Преображенский и Семеновский полки.

Поскольку я хотел увидеться еще и с председателем оргкомитета Виктором Петровичем Поляничко, уехавшим в Баку, то письмо я оставил при себе, решив что в Управлении объясню, будто к генералу я так и не попал.

Выйдя из здания, я увидел «Москвич», который стоял на площади и тогда, когда я только шел в Оргкомитет. В машине сидели двое, и я ясно видел, что они наблюдают за мной. И тогда я пошел к «Москвичу» сам, а подойдя, спросил у сидящего за рулем, не свободен ли он, и не отвезет ли меня в Газовое управление. Сначала он не нашелся, что и сказать. Потом ответил:

— Можно, — И когда я сел в машину, и мы отъехали, тот, что сидел рядом с водителем, спросил меня:

— А что ты делал в Оргкомитете, Вопроса этого я ждал, и напустив на себя недовольство, ответил:

— Да вот, черти, конфисковали наш передатчик, — и протянул ему письмо. Он прочел его, и возвращая, спросил:

— А зачем вам передатчик?

— Мало ли для чего, нужен понимаешь? — многозначительно ответил я ему, на что он сталь же многозначительно отозвался.

— Понимаю.

— А они, — добавил я, спустя минуту, — и письмо не хотят принять. Но я добьюсь!

Денег за провоз они отказались принять. С этим письмом я еще трижды был в Оргкомитете, познакомился с Виктором Петровичем, с Эльдаром, с другими товарищами из Оргкомитета. А последний мой визит совпал с отлетом Виктора Петровича, и я решил тоже лететь.

На такой случай я носил с собой все документы, да еще портфель с записями. С этим вот багажом, оставив в городе свой скромный гардероб я в последний раз ехал по улицам Степанакерта. Проезжая мимо здания Агропрома, вспомнил, что именно здесь находится правление благотворительного общества, где я зарегистрировался как беженец, да вот только средств записанных за мной, так и не успел получит. Интересно, не

вышлют ли почтой, А вскоре мы оказались за городом на какой-то поляне, где нас ждал вертолет.

И мы уже летим. Мерно отсчитывают свои круги винты вертолета, подремывает от усталости, от впрямь нечеловеческой работы Виктор Петрович, отрешены лица Эльдара, других товарищей из Оргкомитета.

А я смотрю в иллюминатор, туда, вниз, где прошли дни самого тяжкого года моей жизни.

Но город уже растаял в дымке, уже не видно строений, а на всю даль, сколько хватает глаз одни лишь вершины гор.

«Горные вершины...» — шепчу я лермонтовские строки, чувствуя в них какой-то особый, потаенный смысл.

А что касается Карабаха, то покоя на этой земле не будет, пока не очистится она от всякой националистической мрази.

От издательства

Уважаемый читатель! Вы прочли книгу бакинца армянской национальности, покинувшего город после известных событий. Стиль написания книги полностью сохранен за автором.

Прожив короткое время в Туркмении и Армении, он около года провел и в НКАО, имея тем самым возможность изнутри наблюдать за ситуацией в области, за происходящими событиями. О Карабахе, его проблемах сегодня пишут много. Мы лишь попытались без предвзятости помочь Вам хоть немного разобраться в этой истории.